

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

Острова блаженных

Александр Кондратьев

Острова блаженных

«Издательские решения»

Кондратьев А.

Острова блаженных / А. Кондратьев — «Издательские решения»,

«Острова блаженных» — вдохновленная Нилом Гейманом и Михаилом Булгаковым история о славянских богах. Они растеряли поклонников, их храмы сожгли, а имена забыли. Их последняя надежда — безработный и потерявший интерес к жизни Вячеслав. С его помощью боги надеются вернуть себе былое могущество. Вячеслава ждет долгий путь: на Острова блаженных, через Калинов мост над рекой Смородиной к Мировому Древу. В Ночь на Ивана Купала, когда расцветает папоротник, он узнает, в чем его предназначение.

© Кондратьев А.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Славянские боги	6
Глава 1. Гений места	6
Глава 2. Сучий сын	20
Глава 3. Молитва	30
Глава 4. Вечная Женственность	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Острова блаженных

Александр Кондратьев

© Александр Кондратьев, 2016

© Альфонс Муха, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Славянские боги

Глава 1. Гений места

Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.

С. Есенин

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

К. Маркс

Ненавижу нищету. Нищета – грязь, забившаяся под ногти. Нищета подобна сну – она окутывает теплым одеялом, лишает воли, окрашивает все в цвет плесени. Она впитывается в кровь и кости, становится частью человеческого существа, приятно щекочет самолюбие: падение похоже на головокружительный взлет. В какой-то момент отвратительное становится прекрасным: этому нас учит искусство. Человек без гроша думает о себе, что он выше окружающих, потому что страдает. Кто-то может сказать, что Христос любил бедняков. Кто-то скажет, что деньги – это не главное. Кто-то скажет, что у Будды не было кошелька. Человек обязательно скажет что-нибудь, чтобы оправдать себя, чтобы возвысить себя в собственных глазах.

Где нищета, там и алкоголизм. Нищета и алкоголизм как курица и яйцо – первое рождает второе и второе рождает первое. Плесень легче переварить, если залить ее чем-нибудь крепким. Быть алкоголиком – классно, этому нас тоже учит искусство. Каждый слышал хотя бы об одном выдающемся алкоголике или блистательном наркомане.

Жизнь хороша, когда вечером тебя ждет бутылка. На душе легко, есть чего ждать, всегда можно начать пораньше. И пусть с утра кишки крутит, голова трещит, будто бы древний бог ударил по ней молотом, – за утром следует день, а там недалеко и до вечера, тонущего в химическом тумане.

Вячеслав знал про себя все, он был искренен с собой и безбожно себе лгал. Он проговаривал себе все это, каждое утро начиная со слов «Ненавижу себя. Ненавижу нищету. Нищета – грязь, забившаяся под ногти», но другой, уверенный голос в его сознании говорил: «Мне только тридцать лет, всякое было, но так будет не всегда. Я еще поднимусь». Но Вячеслав не поднимался. В его жизни как будто началось Средневековье. Прошло уже шесть лет, и один из этих двух тысяч дней в точности походил на другой.

История Вячеслава – типичная история современного русского алкоголика. Он родился в обычной семье, каких много. Родители по глупости женились слишком рано, без любви, потому что пришло, как им казалось, время. Отец сильно пил, мать его поддерживала. Детство мальчика прошло в выразительных сценах последствий невозддержанности: родители регулярно засыпали в собственной рвоте, и мальчику приходилось переворачивать их, как рычажки при игре в настольный футбол, чтобы они не захлебнулись. Естественно, Славик старался убежать из этого желто-серого мира в многоцветный мир фантазии – с детства мальчик полюбил книги. Естественно, он поклялся себе никогда не пить. И еще не ругаться матом.

Но, как говорится, если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. И к концу школы Славик уже пил, курил, использовал брань как междометия и тяготился своей невинностью. Сработало сразу все: наследственность, окружение, природная тонкость натуры.

Школу окончил хорошо, без проблем поступил в институт. Там встретил девушку, свою будущую жену, бросил курить, учился сносно. Вот только к бутылке стал прикладываться чаще.

Но поскольку обучался на филфаке, никакой проблемы в этом не видел: тонкая душа не может без слабостей, это знает всякий, кто всерьез увлекается литературой.

К окончанию университета умерла старушка-родственница, освободив квартиру, куда Славик и переехал вместе со своей девушкой. Девушка стала женой, Славик ненадолго отлучился в армию, потом вернулся и почти сразу нашел работу. Родители умерли, и жизнь, как ему казалось, удалась.

Редакторская работа предполагала свободный график, обеспечивала небольшие, но сносные деньги, так что Славик очень быстро разленился. Обрюзг, уплотнился в талии, превратился в большую мясную подушку, небрежно брошенную на диван.

Нет для женщины ничего страшнее, чем безынициативный мужчина без особых перспектив. Одно дело, когда твой спутник – студент не из последних. Он как глина, что слепишь, то и получится. Но глина может обернуться комком липкой грязи, рыхлой и склизкой. Женщины очень практичны, чего не скажешь о мужчинах. После нескольких серьезных скандалов Славик – теперь уже Вячеслав с солидным силуэтом – лишился жены. Она вернулась к родителям, разочарованная во всех мужчинах на свете. А что Славик? Славик получил отличный повод утопить печаль в вине, водке, пиве, джине, текиле, коньяке, etc! Только абсент он не любил – дорого и невкусно.

Чем больше пьешь, тем больше хочется. А тело со временем становится все тяжелее, все труднее сбрасывать его с кровати, чтобы потом дотащить на работу. И в голове красным светом вспыхивает вопрос: «А нужна ли мне эта работа?»

Работы для пишущих людей много, но пишущих людей еще больше. Нерадивого работника быстро заменяют на энергичного и исполнительного. Какое-то время Славик жил на кое-как отложенные сбережения, но когда они показали дно, ненадолго взял себя в руки, нашел жалкий фриланс, лишь бы хватало на выпивку, – грошовые статейки на модную тему. Заработок легкий, нужно только раз в день собраться и настроичить страницу текста, каждый раз перетасовывая ключевые слова «тренды», «стильный», «беспрецедентный», «самое время», «смелый». *«Самое время быть смелой! Беспрецедентный тренд сезона – майка-алкоголичка. Да, даже в такой, казалось бы, непритязательной вещи можно выглядеть по-настоящему стильной и смелой».*

На выпивку хватало – но только на нее. Из излишеств, разумеется. Все остальное съедали коммунальные услуги, интернет и еда.

Вот и весь путь – от Славика к Славику с короткой остановкой на станции Вячеслав. Можно сказать, что ничего плохого в такой жизни нет. Многие живут так. Но для такой ли одноклеточной жизни Господь создал человека?

Небытие и забвение привлекательно, как пропасть, раскинувшая перед тобой свою пасть. Высота гипнотизирует, как удав кролика, и зовет прыгнуть вниз, раствориться в последнем стремительном полете. Какое блаженство – забыть обо всем, радоваться наполовину полному стакану, грустить из-за наполовину пустого, вглядываться в прозрачную граненую глубину.

На дне стакана как будто живут прекрасные русалки, которые зовут к себе, манят, обещают исполнить все желания. Не потому ли обескураженные мужчины наливают себе новый стакан, а за ним второй, третий, просто потому что не находят на дне крошечных русалок? Не потому ли алкоголь будит мужское естество, пробуждает плоть, дарует заемную силу?

С бутылкой ты одинок, но в то же время ты будто заполняешь все собой и можешь увидеть сам себя без всякого зеркала. Ты один, но имя тебе легион.

Как бы ни был занимателен алкоголизм, человек устроен так, что ему все приедается. Нельзя жить без хобби, без какого-то занятия, которое помогает убить время. И для Вячеслава таким занятием стали прогулки.

Вячеслав жил в примечательном месте – в доме 28 на Путевом проезде. Путевой проезд с одной стороны был отсечен от большого города с его шумом и дымом длинной полосой

Алтуфьевского шоссе, с другой – старым железнодорожным путем, откуда и название этого закоулка.

По левую руку домов не было. Когда-то здесь располагалась металлическая база, к которой и вела железная дорога. Теперь от нее осталось только мертвое кирпичное здание, глядящее через дорогу на жилые дома черными глазницами окон, да название остановки – первой автобусной остановки на Путевом. «Осторожно, двери закрываются, следующая остановка – Металлобаза».

Далее, растянувшись на много шагов, серели ржавые гаражи, наполовину заброшенные, никому не нужные. Только старый пес бродил по их крышам и меланхолично смотрел по сторонам. Через определенное расстояние высились сторожевые будки, но сторожи либо хорошо прятались, либо их не было совсем, во всяком случае, за все то время, что Вячеслав провел на Путевом, он ни разу не видел ни самих охранников, ни огоньков в их будках вечерами.

За гаражами за глухим бетонным забором пряталась стоянка грузовиков. Так что иногда по Путевому, по этой узенькой двухполосной дороге, грохотали огромные фуры.

Завершался проезд станцией с малопривлекательным названием Бескудниково. У станции была небольшая заплеванная площадь, раскинувшаяся у лестницы, ведущей через пути. На путях мертвым грузом стояли поезда, заполненные непонятным ржавым хламом. Казалось, что они стоят тут еще со времен цивилизации, что была до первых *homo sapiens*.

За Путевым – его угрюмые побратимы, Инженерная и Стандартная улицы.

По правую руку – редко расставленные жилые двенадцатиэтажные дома. Гадкие серые хрущевки с проходными комнатами, насквозь пропахшие луком, запахом нищеты, и старостью. Дома эти походили на щербатую челюсть старухи.

Сравнение неслучайно: Путевой проезд был Царством Старичья. На улице редко можно было увидеть детей – небогатые детские площадки между домами пустовали. Зато на всех лавках в хорошую погоду сидели старухи. Чуть забрезжит свет, они высыпали из своих захламленных квартирок, как грибы после дождя. Склонным к паранойе людям противопоказано жить на Путевом – тебя все время сверлят рыбы бессмысленные серые глаза.

Ничего примечательного на жилой стороне Путевского не было – только школа, спрятанная во дворах, да несколько магазинчиков.

Может показаться, что на Путевом должно быть шумно – рядом железная дорога, станция, грохочут грузовики, вокруг школы роятся дети. Однако Путевой был тих, как покойник. Редкие прохожие бродили по нему, как сомнамбулы. Небольшое оживление замечалось во время выборов, когда старушки шли голосовать за привычного кандидата во второй, в третий, в четвертый раз.

Здесь ничего не менялось десятки лет, с самого пришествия сюда его величества Бетона. Когда-то тут располагалась маленькая деревушка в десяток домов, люди жили тут вяло и сонно. Проживали жизнь, как это принято в деревнях, а не искрились ею.

В конце 60-х началась массовая застройка – рядом заворчала металлобаза, ниже по Алтуфьевскому шоссе возникла база плодоовощная, распространившая вокруг себя ароматы сырости и старой картошки. Люди приехали сюда, потому что здесь была работа, здесь за эту работу давали квартиры, – приехали из деревень, забрав с собой своих стариков, – и, по сути, Путевой так и остался деревней, несмотря на железную дорогу и бетонные коробки. Он был сердцем старости и нищеты, сердцем апатии и лени, серой бетонной стеной, о которую разбиваются мечты.

Есть особые места, у которых, кажется, имеется собственная воля. И Путевой, наверное, был одним из таких мест. Это было временное болото, где ничего не меняется. Стоит только развести кипучую деятельность, как она начинает медленно гаснуть. Металлобаза затихла. Маленькие магазинчики открывались и закрывались с такой частотой, что это стало чем-то постоянным. Только Стекляшка, старый магазин с прилавком, стоял там же, где его дав-

ным-давно открыли. Уже мало кто помнил, что магазин так называли из-за большой стеклянной витрины. Витрину давно разбили, на ее месте прозаично стояла стена, но, как говорится, в начале было слово. Имя – тоже слово, и, как слово, имя переживает то, что обозначает. Здесь, в Стекляшке, усталые женщины в синих передниках вели ветхую потертую тетрадь, вписывали туда должников – немыслимое дело в век рыночной экономики!

Чудилось, что это место погружено в вязкий сон на грани реальности и инобытия. Легко можно представить, как динозавры забредали сюда миллионы лет назад, да так и оставались здесь навсегда, вяло недоумевая, как это они забрели так далеко. Надо бы отсюда выбираться, но...

Путевой имел все атрибуты деревни – тут обитали соответствующие персонажи. Со своей матерью на Путевом жила юродивая, сумасшедшая, про которую всем жителям было известно, что ей три раза делали аборт, а потом стерилизовали. Она рисовала на асфальте мелом звезды, дождь и снежинки – так она старалась влиять на окружающую действительность. В двери проезжающих мимо остановки «Путевой проезд, дом 28» автобусов и маршруток она кричала: «Курение убивает! Курение убивает здоровье твое!» Никто не помнил, сколько она живет здесь, никто не знал, сколько ей лет.

Бродил по Путевому и однорукий мужик, угрожая всем дать правой, отсутствующей рукой.

Два древних старика, муж и жена, прожили здесь всю свою жизнь и даже забыли день, когда встретились. Местные называли их Иван-да-Марья. Смерть, будто бы умилившись их долгой привязанности, обходила их стороной. В последнее время, правда, их не видно...

Одна старушка все время подкапывала дом, в котором жила, – она считала, что дом должен стоять на земле, а не на асфальте.

А так, понемногу, здесь жили все: молодые люди, как Вячеслав, унаследовавшие здесь квартиры; алкаши, делящие со своими старыми матерями их пенсию; негры и индусы, привлеченные дешевизной съемных комнат; прочие несчастные души, которых занесло на Путевой из-за злой усмешки судьбы.

Странно представить, что в Москве, в этом яростном сияющем городе с его холодным стеклянным сердцем было такое сонное и вялое место, как Путевой. Эта проплешина на севере столицы служила напоминанием о провинции в самом дряхлом и застойном ее проявлении.

Время от времени здесь, как в любой деревне, вспыхивали страсти: то подожгут магазинчик; то мужик, слышать не слышавший о Достоевском, зарубит двух старух из-за того, что те не дали ему в долг; то алкоголик, напившийся до потери сознания, упадет в туалете и разобьет себе голову об унитаз. Вести об этих событиях разносились по роевой старушечьей общине в мгновение ока и перемалывались еще не одну неделю. Это единственные потрясения этого городка в городе, а крупные беды обходят его стороной.

Путевой был тем особым местом со своей особенной атмосферой, которых много в России и мало в мире, но о которых почти не говорят. Здесь понравилось бы Стивену Кингу, и, быть может, он сплел бы вокруг него паутину своих романов, если бы побывал здесь. Тут понравилось бы Дэвиду Линчу, и он, наверное, снял бы здесь свой «Твин Пикс», если бы у него был российский паспорт. Впрочем, никто не знал бы о Дэвиде Линче или Стивене Кинге, если бы им довелось родиться и жить на Путевом.

Вячеслав же появился на свет именно здесь и вернулся сюда после непродолжительного жития-бытия в других местах. Он вернулся – и снова закрутился в этом омуте, где меняются только лица, но не суть. Да и лица не меняются – всех уравнивают морщины и печать алкоголизма.

Из описания ясно, что гулять на Путевом негде. Одна прогулка раскрывает его весь – это как распотрошить рыбу. Вячеслав изучил Путевой еще в детстве, и с тех пор тут ничего и не поменялось.

Вячеслав немного гулял здесь с женой, показывал, что тут и как, указывал места, где бегал молодой и босоногий, но ей тут не понравилось.

Когда жена ушла, Вячеслав ушел тоже – в месячный запой. Но по своей натуре он не любил сидеть дома, так что сколько ни пей – все равно куда-то идти нужно.

Работа у Вячеслава была необязательная, часто он писал свои однообразные тексты, залив глаза, – ничего, корректор откорректирует, такая уж у него работа. Времени было много, надо было себя чем-то занимать. К чтению Вячеслав охладел – он считал, что прочитал уже все стоящее. Писать что-то самому было лень, и так пишет ради денег. Смотреть кино не хотелось – это означало неподвижно просидеть на одном месте два часа, а то и три. Лучше уж поспать в таком случае. Но и спать все время нельзя – просто не хочется. С женой все было по-другому – она всегда придумывала, чем заняться. Хорошо было с женой...

Друзей у Вячеслава не было, да и друзья – это только слово. На деле друзья – это не помощники, а первые завистники. Они ненавидят тебя за твои победы и радуются твоим неудачам, прикрываясь лицемерными улыбками. Был один приятель, но до него еще дойти надо...

Сначала Вячеслав бесцельно блуждал по безыскусным кривым Стандартной, Инженерной и Путевого. Потом от скуки начал увеличивать дистанции – доходил до станций метро Бибирево и Отрадное, бродил в их окрестностях. Часто ходил на север, за метро Алтуфьево, к огромному «Ашану». Не в последнюю очередь из-за того, что пиво там можно было купить по 30 рублей за бутылку. Ради такого стоило пересечь все эти десять полос (кругов) МКАДа.

Вячеславу особенно нравилось в Отрадном. Там всегда былолюдно, да и свои странности имелись: например, около палатки с музыкальными дисками плясал зловещего вида старик и свистел в свисток.

Отрадное не зря носит такое название – в бесконечных отраденских толпах одинокому человеку легко затеряться, но при этом не чувствовать себя одиноким. В Отрадном нет ничего, кроме кучи домов и тьмы людей, которые живут в них. Но Вячеславу почему-то было там комфортно. Он подолгу сидел на лавочке в центре района, у метро, под большой эмблемой района – Жар-Птицей. На соседних лавках переругивались бомжи, кто-то лежал на скамейках, кто-то под ними, Вячеслава это не смущало. С уходом жены он перестал бриться. Волосы росли у него на лице клоками, одежда была неопрятная, мягая, он сам походил на бродягу. Пару раз местные бомжи пытались с ним познакомиться, но он просто молча уходил. Потом они к нему привыкли и перестали обращать на него внимание.

В Отрадном жил единственный приятель Вячеслава – армянин Саркис. Саркис – замечательная личность. Огромный, под два метра ростом, косая сажень в плечах, со спокойным, тяжелым взглядом из-под густых бровей. В опрятном белом фартуке, всегда гладко выбритый, с большим острым ножом наперевес.

Вячеслав познакомился с Саркисом у палатки с шаурмой. Саркис здесь работал.

Вячеслав очень любил шаурму. Шаурма – еда дешевая и вкусная, наедаешься на целый день. И с пивом хорошо идет. Вячеслав обошел все палатки в округе, но шаурма у Саркиса (напротив кинотеатра «Байконур») была лучше всех.

Вячеславу нравилось смотреть, как Саркис, никуда не торопясь, но очень проворно и расторопно начинает лаваш куриным мясом и овощами – плавными, отточенными движениями. Воистину, поспешай медленно. Поклонников саркисова таланта было очень много: иногда очередь перед его палаткой насчитывала несколько десятков человек. Ажиотаж был волнообразный – пики приходились на выходные и праздничные дни. Вячеслав приходил, когда приво-дили ноги или голод. Когда Саркиса не было, его подменял другой армянин, Вячеслав не знал, как его зовут. Шаурма у него получалась вкусная, но все-таки не такая, как у Саркиса.

Есть шаурму Вячеслав предпочитал на улице, если было не очень холодно. Обед на свежем воздухе – это приятно: ветерок в лицо, люди идут куда-то.

Вячеслав обычно заходил за палатку, чтобы никого не смущать своим обедом, и оттуда вел наблюдение, неспешно наслаждаясь едой.

Когда посетителей было мало, Саркис выходил покурить и становился невольным свидетелем чужой трапезы. Обычно Саркис молчал и просто стоял рядом, глядя по сторонам и дымя сигареткой.

Как-то раз он потерял зажигалку и попросил у Вячеслава прикурить. У Вячеслава зажигалки не было, он давно бросил. Саркис похвалил его, сказал, что сам когда-нибудь постарается завязать. Так, слово за слово, началось знакомство.

Вячеслав неохотно сходил с новыми людьми, но Саркис ему сразу понравился. В Саркисе было то, чего так не хватало самому Вячеславу, – мужественной, спокойной уверенности в себе, в окружающем мире. Что ни спроси у Саркиса, на все у него готов ответ. Беседы с ним всегда получались медитативными и успокоительными.

Как-то раз Саркис продал Вячеславу очередную шаурму и вышел с ним покурить. Июнь шел к середине, в воздухе стоял неповторимый запах лета – терпкий, легкий, пьянящий. Всюду – комки тополиного пуха. Было тепло, но дни проходили серые, небо – в бесконечных свинцовых тучах.

– Эй, друг, чего грустный такой?

– Да что-то я без настроения, – ответил Вячеслав. – Не знаю, небо серое, удушить хочется.

– Неправильно говоришь, – покачал Саркис большой черной головой. – Я тебе скажу, почему грустишь. Я много думал. У тебя три причина, чтобы грустным быть.

– Интересно, какие же? – поднял брови Вячеслав. Ему было приятно, что сейчас речь пойдет о нем.

– Первый, – Саркис выставил внушительный указательный палец, – работа у тебя нету. Чтобы мужик не грустил, нужна работа ему. Нужно полезным быть.

– Да есть у меня работа, – отмахнулся Вячеслав.

– Нашел, да? Чего раньше не сказал?

– Да и раньше была. Ты не спрашивал.

– А что за работа? Почему сейчас здесь стоишь, не работаешь?

– Да я из дома работаю, статьи пишу.

– А почему не дома сейчас? Статьи не пишешь?

– Да там немного.

– Немного, хм, – Саркис с сомнением посмотрел на Вячеслава. – А какие статьи? В газета? Новости?

– Нет, на сайт один. Про моду там, про одежду.

– Тьфу! На сайт! – оскорбился Саркис. – Это в интернете, да?

– Ага.

Вячеславу не нравился оборот, который приняла беседа. Работа – действительно его слабое место.

– Нет, брат, на сайт писать – это не работа. Вот у меня – работа. Я людям кушать даю, они довольны. Спасибо мне говорят. А тебе на сайте спасибо кто говорит?

– Да никто, в общем-то, – смутился Вячеслав.

– Хочешь ко мне работать? Нам с Серопом как раз сменщик нужен. Хочу с жена больше времени дома быть. Да сын растет, папу видеть должен.

Вячеслав представил себе десятичасовой рабочий день у печки и внутренне содрогнулся.

– Нет, спасибо! У меня спина больная, – наспех соврал он, – трудно весь день на ногах.

– Э, даже денег не спросил, сколько дам! Брезгуешь?

– Да нет, что ты! Правда, спина...

– Э, знаю все, обидеть не хочешь. А я свой брат не предложил, а тебе предложил. Тут дело тонкое. Серопа спроси. Ответственность, глазомер хороший. Думаешь, дело у меня дурное. А дело хорошее, людям счастье дает. Сам моя шаурма кушать любишь. Мне родня говорит: Саркис, армянин не делает шаурма. Турок делает шаурма, узбек делает шаурма, таджик делает шаурма, а армянин нет. А я в детстве скушал шаурму. Ай полюбил! И большой стал, сам стал делать шаурма. Все кушают и спасибо говорят. Сам что скажешь, хороший моя шаурма?

– Очень, – поддакнул Вячеслав, радуясь перемене беседы.

– Вот! – без улыбки кивнул Саркис. – Я знаю русский. Русский – очень гордый. Думает, что каждый ему служить должен. Другому служить не хочет. Но не каждый русский сам себе служить может. А это не служить, это помогать.

«Что-то в этом есть», – подумал Вячеслав.

Помолчав, Саркис вернулся к старой теме:

– А платят тебе как, много? Может, больше дам!

Вячеслав секунду колебался: назвать настоящую сумму, приукрасить или уклониться. Выбрал третье. Если будет настаивать, совру, подумал он.

– Не особо. Но мне хватает. Не жалуюсь.

– Вот! – Саркис, к удивлению, настаивать не стал. – Хватает, потому что нет женщина. Эта вторая причина, почему грустишь, – Саркис показал Вячеславу два пальца, похожие на две спелые увесистые морковки. – Жениться тебе надо.

– Проходили, знаем, – снова отмахнулся Вячеслав.

– Помню, ты говорил. Но ведь давно было, да?

– Да уж, лет шесть прошло.

– Вот! Ты когда с женщиной был последний раз?

Вячеслав невольно смутился.

– Э... Это личное, Саркис.

– Да какой личное, брат! У меня вот вчера было. Я тебе сказал, теперь ты мне говори.

Обезоруженный, Вячеслав смущенно улыбнулся и сказал:

– Давненько ничего не было.

– Брат, говори конкретно, да? – не унимался Саркис.

– Да тоже лет шесть прошло. Я после жены ни с кем и не того...

– Шесть лет! Ай-ай-ай! – сокрушенно покачал головой Саркис. – И не хочешь, да?

– Хотеть-то, может, хочу, да не с кем.

– Эй, друг, смотри кругом. Там женщина, там женщина, там женщина, – Саркис бесцеремонно брал на прицел своим большим указательным пальцем то одну незнакомку, то другую. Отмеченные женщины бросали короткие взгляды на Саркиса и Вячеслава и ускоряли шаг. – Ты молодой, умный, да? Любая женщина твоя будет.

– Да я как-то уже, если честно, – Вячеслав помолчал, подыскивая слово, – отчаялся, что ли. Жену я любил, но это уже давно было, совсем в другой жизни. Я, Саркис, однолюб, наверное. Одна женщина должна быть в жизни.

– Правильно, – улыбнулся Саркис. – Хороший ты человек, Слава. Ай люблю! – Саркис заключил Вячеслава в медвежьи объятия. – Но то не сложилось, значит плохое было. Надо новое. Слушай, – вдруг он взял деловой тон, – у меня родня сейчас. У мой прадед есть три сын. Один – мой дед. У каждого есть еще сын и дочь. Это все братья и сестры мой дед, так?

– Так, – поддакнул Вячеслав. Странно: зачем Саркису понадобилось разворачивать перед ним свое генеалогическое древо?

– Вот! У брат и сестер мой дед есть сын и дочь. Все эти сын и дочь – брат и сестра, так?

– Допустим, – сказал Вячеслав, глубокомысленно поглаживая бороду.

– Они все – мой дядя и тетя, так?

Вячеслав кивнул.

- У мой дядя есть дочь. Как назвать?
- Это ты у дяди спроси, только поздновато уже, – пошутил Вячеслав.
- Дурак! – Саркис в шутку ткнул Вячеслава пальцем под ребра, ребро чудом не треснуло. – Я спрашиваю, как назвать ее? Слово?
- Двоюродная сестра, кузина? – предположил Вячеслав.
- Вот! Кузина, нравится. – Саркис удовлетворенно кивнул. – Мой кузина Лиана сейчас у меня в гости.
- Почему просто было не назвать ее Лианой? – спросил Вячеслав.
- Э, друг, потому что родня – это важно.
- Вячеслав не стал спорить. Про себя он считал, что все родственники – от лукавого.
- Лиана – хорошая, красивая, но умная слишком. Оттого грустная, прям как ты. Книжки читает. Много. Ей уже за тридцать, а она без мужа. Нехорошо. Дядя уже многих мужчин предлагал. Она не хочет, глупые, говорит. А ты как раз умный, понравишься ей. Вместе грустить будете. Может, посмотришь, э? Или побрезгуешь?
- А есть фотография? – без энтузиазма уточнил Вячеслав.
- Друг, я тебе что, фотограф, что ли?
- Ну, может, она у тебя в друзьях в «Одноклассниках»?
- Друг, посмотри на меня, да? Я на школьник очень похож? Какие «Одноклассники»?
- Да там люди твоего возраста сидят.
- Ай, друг, аккуратен будь. Это значит старый или молодой?
- В самом расцвете сил, – улыбнулся Вячеслав и примирительно потрепал Саркиса по плечу.
- Слушай, я людей вижу, – сказал Саркис. – Я знаю, ты хороший. Я тебя уважаю. Лиана – родня, хочу счастья ей. Одноклассник, – Саркис неодобрительно помотал головой. – Сам посмотришь, да? Ты, конечно, не этот, как у вас, новорусский, но человек хороший. Сойдетесь – и тебе, и ей хорошо будет. А деньги – дело наживное. Если что, к себе возьму. Уже родня будешь.
- Ладно-ладно. Может, в гости ко мне зайдете тогда? У меня сто лет никто не бывал. Я тебя давно зову, вот и повод будет. – Вячеслав сказал это и сразу пожалел. Затея сомнительная, ради нее не хочется прибираться. Но отступать было уже поздно.
- Хорошо придумал, молодец! – Саркис одобрительно кивнул. – Когда?
- Да мне, в общем-то, все равно. Когда тебе удобно?
- Сегодня понедельник. Завтра не работаю. Завтра Сероп. Потом среда, опять Сероп. Четверг, пятница — работаю. Выходные – не работаю. Через два дня работаем, да?
- Ну тогда давай в выходные, как раз самое время для вечеринки.
- Вячеслав попытался отодвинуть встречу подальше – авось не сложится. Не вышло.
- Не, брат, там работа потом. Выпьем, голова болеть будет. Давай завтра, что тянуть? «Тоже неплохо, скорее отмучаюсь», – подумал Вячеслав.
- Ладно, давай. Часов в пять, нормально?
- Хорошо! Где живешь?
- Путевой, 28. Отсюда можно доехать на 637-м. Маршрутки еще ходят – 637-я и 571-я. Вон с той остановки. Ехать минут пятнадцать. Остановка так и называется – «Путевой, 28». Дом прямо напротив остановки, панельная девятиэтажка.
- Хорошо, все понял. Может, брат подвезет. Спрошу. Не люблю автобус, маршрутка. Путевой, 28-й дом, да?
- Абсолютно верно.
- В пять, где-то так, да?
- Вячеслав кивнул:

– Там домофон, наберешь 200, это номер квартиры. Я тебе открою. Второй этаж. У тебя мой телефон есть, на всякий случай?

– Ага.

– Ну тогда все, договорились.

– Договорились. Только побрейся перед встречей, а не то я тебя сам побрею. – Саркис указал глазами на палатку за спиной, в которой прятался длинный острый нож, затянулся напоследок и бросил окурочек в урну. – Ну все, пойду, курица горит.

– Постой, а как же третье? – остановил его Вячеслав.

– Что третье? – Саркис нахмурил брови.

– Ты сказал, что у меня три причины для грусти.

– А-а-а! – протянул Саркис. – Третья причина – у тебя Бога нет.

– Что? – удивился Вячеслав.

– То. Русский не верит ни во что.

– В смысле? – патриотично возмутился Вячеслав.

– Вот я в Господа Бога нашего Иисуса Христа верю, а ты во что?

– Аналогично. Я – русский, ты – армянин, мы же христиане.

– Э, друг, знаю, ни во что ты не веришь. Вера – это у нас от родни. Ты помнишь свою родню, да?

– Конечно, что за вопрос?

– Ты маму-папу помнишь, а дальше забыл. Кем был дед твой дед?

Вячеслав порылся в памяти. Пусто.

– Я прадеда помню, он на войне погиб.

– А как зовут?

Вячеслав покачал головой.

– А его прадеда?

– Да ты любого спроси, – возмутился Вячеслав. – Никто не скажет.

– Я любой. Я скажу. – Саркис ткнул себя в грудь пальцем. – Прадед мой прадед был пастух. Звали его Азат. А его прадед был кузнец, и звали его Артур. Твоя очередь, да?

– Ты можешь просто импровизировать. Как я проверю? – раздраженно сказал Вячеслав.

– Доверяй, но проверяй, да? А зовут тебя как?

– Вячеслав, к вашим услугам, – Вячеслав присел в шутиливом поклоне.

– А что значит это, Вячеслав?

Вячеслав задумался.

– Просто имя, и все. Славянское.

– Не бывает простых имен, друг. Каждое значит что-то. Вот меня Саркис зовут. «Стережет» значит. Охранник, да? Так звали великий армянский герой. Саркис у нас, как Геркулес у грека. Или богатырь у русский.

– Ты демонстрируешь просто академические познания. Часом не из Сорбонны?

– Смеешься. Зря, друг. Я тоже умный. Я говорю смешно, ты думаешь. А я могу говорить правильно, род не путать. Без акцента могу. Но я горжусь им. Это мое. Я горжусь тем, что я армянин. Я помню корни, а ты – нет.

– Ладно-ладно, убедил. Приду домой, поищу в интернете значение имени Вячеслав.

– Вот! А это только имя. А фамилия твоя как? – не унимался Саркис.

– Гамаюнов.

– Что значит?

– Птица есть такая в Раю. Гамаюн, Птица Вещая. Все знает.

– Молодец! Видишь, интересно! Тот птичка? – Саркис указал через дорогу на эмблему Отрадного.

– Нет. Это другая. Это Жар-Птица.

- Курица-гриль, что ли? – рассмеялся Саркис.
- Остряк! – улыбнулся Вячеслав. – Курица не птица.
- Как так? А кто – собака?
- В случае твоей шаурмы – да.

Посмеялись.

– Про фамилии говорили, – Саркис вернулся к предмету беседы. – Моя фамилия – Тар-зян.

- Правда? – Вячеслав окинул фигуру собеседника взглядом и расхохотался.
- Ай смешно! – обиделся Саркис. – Я из рода сам Гулям Тарзи!

Вячеслав почтительно присвистнул, делая в памяти пометку найти в интернете не только значение своего имени, но и некоего Гуляма Тарзи.

Громкое шипение прервало беседу.

- Ай, курица! – Саркис метнулся в палатку.

Вячеслав обошел палатку и встал у прилавка, протягивая руку, чтобы попрощаться.

Саркис крепко пожал руку – да так, что хрустнули суставы.

– Вот, друг, запомни. Все твои проблемы – одна за другую цепляется. Нет бога. Ни во что не веришь. В себя не веришь. Женщина нет. Работа нет. Найдешь бога – в себя поверишь. В себя поверишь – женщина придет. Придет женщина, надо работать. Так-то, да? Давай, сначала бога найди, а потом все найдешь. Давай, до свидания! Завтра в гости придем. Может, родня будешь.

* * *

Вячеслав ушел от Саркиса в смешанных чувствах. Он никого не звал в гости и сам ни к кому не ходил со студенческих лет. Он с ностальгией подумал о тех веселых временах, вехах на пути к алкоголизму.

Принять гостей значит выйти из зоны комфорта. С ними нужно о чем-то говорить, как-то их развлекать. Нужно держать лицо, стараться подать себя лучшей стороны, все-таки с ними будет женщина. Еще много всего нужно подготовить: сходить в «Ашан», купить вина (для дамы), водки (для Саркиса) и рома (для себя любимого) и какой-нибудь закуски. Все это будет ударом по бюджету, благо, не очень большим. Да, приход гостей – чуть ли не самое значимое событие за последние шесть лет.

Вячеслав решил не терять времени даром и, не заходя домой, отправился в «Ашан». Верный рюкзак был при нем, в нем – кошелек со всей наличностью, что была у Вячеслава, и паспорт – его до сих пор просили показывать при продаже алкоголя. Вячеславу это немного льстило: значит, он еще не совсем сдал.

Дорога долгая, есть время все обдумать, поговорить с собой. Поначалу Вячеслав гнал от себя мысли о настоящей причине завтрашнего визита. Ведь намечалась не обычная дружеская попойка, а знакомство с женщиной. От этого Вячеслав немного робел. Какая она будет, эта женщина? Его немного смущало, что она армянка. Наверное, родители не одобрили бы такую связь. Но они уже благополучно умерли, и Вячеслав мог не тяготиться их мнением. Армянки могут быть очень красивыми. Темные глаза, брови, ресницы, эффектные черные волосы, смуглая кожа... Он вспомнил одноклассницу, на которую засматривался в школе, девушек с факультета госуправления, что учились с ним в одном здании в университете. Перед его мысленным взглядом пронеслись внушительные формы Ким Кардашьян, наверное, самой известной армянки на всем белом свете.

В общем, завтрашняя встреча обещает быть любопытной. Он либо сорвет джекпот, либо слегка разочаруется. В любом случае, это лучше, чем ничего. К тому же, не факт, что он понравится девушке. Он так глубоко наплевал на свою внешность, что почти забыл, как выглядит.

Он мылся не каждый день, зубы чистил прямо под душем, а не перед зеркалом, так что его представление о собственной респектабельности могло несколько устареть. Мысленно он занес в список покупок пакетик одноразовых бритв, гель для душа и несколько упаковок жвачки. Он подумал о презервативах, но с грустью отмел эту мысль: вряд ли на первом свидании до этого дойдет. Тем более в присутствии Саркиса.

Растревоженное сердце забилося в груди. Вернулось забытое чувство: радостное ожидание чуда, эйфория от сближения с новым человеком. Люди не могут долго жить в одиночестве. Каждому хочется, чтобы рядом был кто-то, кому есть до него дело.

Какая же она будет, эта загадочная незнакомка? Саркис – мужчина видный и статный, можно понадеяться, что у них это в роду. Господи, помолился про себя Вячеслав, только не пойми меня буквально! Вячеславу совсем не хотелось встречаться с двухметровым широкоплечим чудовищем с высушенной курагой мышц вместо груди. Улыбнувшись, он понял, что ждет завтрашний вечер с нетерпением.

Впервые за последние несколько дней солнце выглянуло из-за тучи и осветило дорогу перед Вячеславом.

* * *

Дорога вдоль Алтуфьевского шоссе – не самый удачный маршрут для прогулки. Какие-то старые заброшенные здания, ветхие жилые дома, серый полупустой торговый центр и бесконечные авторемонтные.

Глядя на эту красоту, Вячеслав думал, что вот так и должен выглядеть мир машин. Все серое, тусклое, практичное. Просто место, где стоят машины, и здания, где их ремонтируют. И, конечно, заводы, где они рождаются: огромные грязные замки с трубами, медленно изрыгающими в воздух черный едкий дым. Какое место в этом мире выделено человеку?

Местность оживала у метро Алтуфьево. Там было много народу, правда, не так много, как в Отрадном. За метро и вовсе притаилось странное: церковь и целое озеро рядом с ней. Церковь стояла на территории бывшей дворянской усадьбы.

Чуть дальше за деревьями пряталось мрачное здание – психдиспансер. Здание казалось нежилым. Его предназначение раскрывала только неприметная табличка над входной дверью. Вокруг стояли редкие лавки, наверное, для здешних гостей.

Набив рюкзак покупками из «Ашана», Вячеслав вернулся к озеру у церкви. День уже подходил к концу, брат-близнец Солнца вяло плескался в воде, гладь озера казалась сияющим боком вычищенной кастрюли. Вячеслав посмотрел на двоих мужичков, которые зачем-то рыбачили здесь, покачал головой и побрел по высокой траве дальше. Он вдруг оступился, и в рюкзаке за спиной звякнули бутылки. Бульканье напомнило о бутылочке «Жигулевского», которую он прихватил, чтобы скоротать свой, быть может, последний одинокий вечер. Тяга сильнее гравитации заявила о себе.

Вячеслав пошел к одной из лавочек у психдиспансера. Присел, раскрыл рюкзак, извлек бутылку. Мрачное здание отсюда – как на ладони.

Открывалками Вячеслав не пользовался – неромантично. Привычным жестом отбил пробку, зацепив ее за дерево лавки. Железный ребристый кружок с веселым лязгом скрылся в траве. Вячеслав устроился поудобнее и приложился к бутылке. Теплое пиво скользнуло в него, как змея в кроличью нору.

Вячеслав смаковал питье. Мир вокруг ускорился и замедлился одновременно: одно из тех обыкновенных чудес, которые демонстрирует Алкоголь, волшебник в зеленой мантии. Вячеслав сидел и наблюдал за медленной смертью дня. В голове роились приятные образы, бесконечные вероятности счастливого будущего.

Он захмелел очень быстро – серая обыденность алкоголиков, – и потому не заметил, как рядом с ним появился человек.

Вячеславу стало не по себе: он не знал, как долго сидит в компании незваного гостя. Захотелось уйти. Неуместная тактичность призывала немного подождать. Он покосился на человека слева. Оказалось, он делит скамейку с благообразным старичком в шапочке.

Осмелев, Вячеслав повернул голову и принялся разглядывать почтенного дедушку. Внешность у старика была видная: широкий лоб, длинные, до плеч, густые седые волосы, орлиный нос, большая белая борода, моржовые усы и удивительные брови, завивающиеся на концах, как фатовские усы. Одет старик был в простую белую рубашку, на ногах – синие спортивные штаны с красной полоской на боку и кроссовки на босу ногу. Старик заметил интерес к своей персоне и повернулся к Вячеславу. Открылась самая главная особенность незнакомца: глубоко посаженные глаза смотрели так пронзительно-строго, будто препарировали душу; зрачки были странного светло-карего цвета и от этого казались золотыми. Тьма вокруг глаз и тонкое, изможденное лицо намекали, что старик, возможно, болен самой последней болезнью и вряд ли доживет до следующих выборов.

– Сынок, ты меня видишь? – сказал старик. Голос глухой, слабый.

Вячеслав подумал, что старик не в себе. По-видимому, это постоялец психдиспансера или просто пьяный бродяга. Вячеслав втянул воздух носом – вроде бы от старика не пахнет водкой. В любом случае, хорошего мало, надо уходить. Однако странное любопытство и врожденная тяга к саморазрушению заставили Вячеслава остаться на месте.

– Я же знаю, ты меня видишь. Видишь же? – старик подался вперед. Его напряженное лицо замаячило перед лицом Вячеслава.

– Это вы мне? – сказал Вячеслав, пытаясь влить в голос как можно больше дерзости. В конце концов, было бы неплохо, если бы старик отстал по-хорошему.

Судорога пробежала по лицу старика. Губы задрожали, а в золотых глазах запрыгали чертики. Борода зашевелилась, заросший волосами рот растянулся в улыбке. Старик зашелся влажным кашлем, в котором Вячеслав угадал смех.

– Как же долго я ждал тебя! – отсмеявшись, сказал старик. Он снял шапку и тряхнул волосами. – Или кого-то вроде тебя. Не совру, если скажу, что прошла тысяча лет. Время – вещь особая, для всех оно течет по-своему.

Вячеслав немного расслабился. Судя по всему, перед ним был самый обычный сумасшедший – насколько сумасшедший может быть обычным, разумеется. Старик бредил, а Вячеслав встречал на своем жизненном пути не так уж много безумцев, так что ему было любопытно. Он сидел и не шевелился, даже затаил дыхание, чтобы не спугнуть старика. А тот тем временем продолжал:

– Тысяча лет – большой срок даже для такого, как я. Иногда я не знаю точно, кто я такой. Я здесь очень-очень давно, – старик широким жестом обвел округу. – Я был здесь, когда этого дома, – он указал на психдиспансер, – еще и в помине не было. Скорее этот дом появился здесь из-за меня. Я был здесь до того, как там построили усадьбу и церковь.

Вячеслав не знал, что ответить. Собеседник замолк – возможно, погрузившись в воспоминания, возможно, ожидая реакции. Старые руки мяли серую шапку. Когда молчание стало неловким, Вячеслав осторожно повернулся к незнакомцу и вежливо сказал:

– Очень интересно.

– Ты думаешь, я просто выживший из ума старик. – Брови нахмурены, взгляд тяжелый. – Может, так и есть. Может, я сплю, и мне все это снится. Может, мы все снимся Белобогу. Или друг другу. Столько лет прошло... Знаешь, друг, память – она как разбавленный самогон. Самое главное вроде бы осталось, но остроту свою порастратило. А самое главное – в прошлом. Особенно для таких, как мы. – Снова широкий жест рукой. – Для тех, у кого ничего не осталось.

Вячеслав прислушивался к себе. Интуиция молчала, маленькая обезьянка тревоги, которая сидит в каждом из нас, спала. Старик по соседству излучал бесконечную печаль, но никак не опасность.

– Слушай, мы же даже не представились, – старик прервал свои путанные размышления и протянул руку. Шапка осталась лежать у него на бедре.

– Вячеслав, очень приятно.

Рукопожатие оказалось крепким.

– Люди так беспечны в обращении с именами. Я твою ошибку не повторю, Вячеслав. Запомни, имя – это власть. – Старик улыбнулся. – Ты можешь звать меня Старым. Звучит не очень, зато именно таким я себя чувствую.

– Хорошо. Старый значит Старый.

– Лучше не скажешь!

Помолчали.

– Знаешь, Вячеслав, вот сидишь ты тут рядом, – старик пнул кроссовкой камешек, взметнулась и начала оседать пыль, – и даже не представляешь, частью чего ты только что стал. Люди проживают свои жизни, заводят семьи, рожают детишек, а потом тихо умирают. Мало кто представляет, какая же сложная штука наш мир.

Вячеслав услышал мелодичный перезвон. Это где-то глубоко внутри забил маленький колокольчик восторга. В его бое – радость первооткрывателя; ощущение риска, приятно щекочущее нервы; ожидание Приключения, которое грезится после прочтения детской книжки. Возможно, так себя чувствовал Бильбо, когда в его жизнь ворвался Гендальф. Сравнение точное: солнечный весенний день, белобородый старик по имени Старый, только вместо уютной хоббичьей норы – психдиспансер, вместо трубки с хорошим табаком – дешевое пиво, вместо серой остроконечной шляпы – старая мягкая шапка.

– Знаешь, как не хочется повторить свои ошибки? Умный учится на чужих ошибках, дурак – на своих. Видимо, я дурак. Да я и есть дурак, раз оказался здесь. Наверное, иногда самое правильное – сдаться и прекратить борьбу.

Снова пауза.

Старый внимательно посмотрел на Вячеслава.

– Вячеслав, я умираю. И не хочу этого. Сказать по правде, я ужасно этого боюсь. Когда только начинаешь жить, у тебя куча целей, куча желаний. Знаешь, это как по глупости набрать целую горку камней и нести ее. Потихоньку руки устают, ноги заплетаются, и с каждым неверным шагом камешки все падают и падают. Когда горка превращается в один-единственный камешек, бросаешь и его. Понимаешь, цель – вовсе не в камнях, цель – в движении. Но ты старый и дряхлый, а все продолжаешь плестись. Просто не знаешь, как быть иначе. Не знаешь, как перестать жить.

Вячеслав подумал, что никогда не видел людей, которые были бы так близки к смерти. Когда умер дедушка, он был десятилетним Славиком и о высоких материях не задумывался, просто не понимал, что происходит. Остальные бабушки и дедушки жили и умирали где-то далеко, за кулисами его жизни. Родители тоже умерли – как будто за кадром. Два неприятных факта – сначала папа, потом мама.

Слова старика тронули Вячеслава. Вячеслав прочитал много книг, посмотрел много фильмов, поэтому в его голове было много мыслей, взятых взаймы, много чужого опыта. Он не раз думал о смерти, но никогда – всерьез. Наверное, каждый человек до самой последней минуты думает, что все обойдется, что он все-таки бессмертен.

– Мне казалось, что давным-давно я победил смерть. Какой же я все-таки дурак! Старый дурак! Смерть можно обмануть. Можно дать ей взятку, чтобы отсрочить ее визит, потом еще одну и еще, но рано или поздно она все равно нагрянет. Однажды все мы умрем. Даже боги умирают. Только для людей смерть – это начало.

Долгая пауза.

– Но с тобой, Вячеслав, у меня есть надежда! И очень, очень большая надежда! – Старый ткнул Вячеслава пальцем в плечо.

Вячеслав удивленно посмотрел на Старого.

– Я могу попытаться объяснить тебе все, Вячеслав, – с жаром сказал он, – но ты не поверишь. Это будет пустая трата времени. Лучше я просто покажу тебе все. Позволь мне тебе все показать!

С неожиданным проворством Старый вскочил с места, схватил Вячеслава за волосы и со всей силы ударил коленом по лбу. Серая шапка соскользнула на землю. Бутылка пива, которую Вячеслав все еще сжимал в руке, выскользнула из разжавшейся ладони, с глухим стуком задела скамейку и, фонтанируя, упала в траву. Старый быстро наклонился, подобрал ее, сделал глубокий глоток и наотмашь ударил Вячеслава – жестом художника, нарушающего девственность чистого полотна. Вячеслав завалился набок, сполз со скамьи, утопая в экзотической смеси запахов крови и дрожжей. Старый ударил его ногой. Вячеслав повалился на спину. В голове – пусто, все произошло слишком быстро, инстинкт самосохранения не успел сработать. Старый опустил Вячеслава на грудь и несколько раз ударил кулаками по голове.

Вдруг что-то произошло. Вячеслав на секунду как будто бы увидел себя глазами Старого: безвольное тело на примятой траве, разбитое в кровь лицо. Вячеслав отстраненно подумал, что, возможно, это травма головы. Эта мысль принесла облегчение: скоро сознание потонет во тьме, и боль уйдет вместе с ним.

Но сознание не гасло. Что-то завертелось в голове Вячеслава: то он видел перед собой огромные кулаки Старого, стремительно приближающиеся и отдаляющиеся, то глазами Старого смотрел на собственное тело, распростертое в крови и стекле. Вячеслав сумел отстраненно заметить, что смена перспективы происходит, когда он моргает. Похоже на калейдоскоп.

Кулаки Старого будто бы уменьшились в размерах. Избиение продолжилось – так же, как и игра восприятия. На месте Старого возник маленький мальчик с длинными русыми волосами. Трансформация затронула и Вячеслава: он чувствовал себя мальчишкой – еще младше, чем тот, что его избивал. В голове Вячеслава слово повернули какой-то рычажок, и лавина чужих воспоминаний обрушилась на него. Казалось, что еще немного, и он сойдет с ума: собственное я тонуло в вихре незнакомых образов. Воспоминаний было так много, что они не помещались в голове.

Старый показал Вячеславу все, как и обещал. Ему было что показать.

Глава 2. Сучий сын

*Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.*

С. Есенин

Если два племени первобытных людей, живших на одной и той же земле, вступали между собою в состязание, то (при прочих равных условиях) одолевало и брало верх то племя, в котором было больше мужественных, воодушевленных любовью к ближним, верных друг другу членов, всегда готовых предупредить друг друга об опасности, оказывать помощь и защищать друг друга. Себялюбивые и недружелюбные люди не могут сплотиться, а без сплочения мало чего можно достичь.

Ч. Дарвин

Кулаки опускались и поднимались. Боль стала привычной и больше не жгла. Вкус крови на разбитых губах напоминал о сражениях и битвах, которые ждали впереди.

– Получай, сучий сын! Получай!

Мальчик сидел на груди своего младшего брата и нещадно лупил его маленькими кулачками. Вокруг мальчишек клубилась пыль; лицо младшего обезобразили грязь, слезы и кровь; лицо старшего взмокло от пота. Старший устал, но прекращать избиение не думал. Простая белая рубаха измялась, под мышками расплылись влажные пятна.

Поодаль стояла высокая красивая женщина в ярком платке, из-под которого змеилась толстая русая коса. Женщина была одета в богатое длинное платье, расшитое яркими цветами, и одобрительно смотрела на драку. Ее симпатии были на стороне победителя, она широко улыбалась.

Избитый маленький мальчик с трудом повернул голову и встретился с женщиной взглядом. Недобрая улыбка на ее лице придала ему сил. Несправедливость ситуации, отсутствие сочувствия озлобили мальчика, пробудили в нем яростное животное, что до поры дремлет в каждом. С диким криком он изогнулся всем телом, сбросил с себя брата, вскочил на ноги и со всех сил пнул его под ребра. Оглянувшись по сторонам, схватил увесистый камень, наотмашь ударил им обидчика. Старший брат рухнул на землю, как подкошенный, из разбитого рта плеснула кровь, посыпались осколки зубов. Женщина закричала, но поздно: мальчик обеими руками поднял камень над головой и резко опустил его, вкладывая в удар боль, злобу и отчаяние. Голова брата треснула, как перезрелый арбуз. Во все стороны брызнул мозг, запачкал подол женщины, которая подбежала к месту драки.

Женщина закричала, сорвала с головы платок, начала рвать на себе волосы. Аккуратная коса растрепалась. Позор – никто, кроме мужа, не должен видеть женщину простоволосой. Женщина рухнула на колени рядом с безжизненной грудой плоти и костей, в которую превратился ее любимый сын. Мальчик-убийца стоял рядом, не до конца осознавая, что сделал.

Мальчика переполняли самые разные чувства. Страх, отвращение, яростная радость, ослепительный восторг разрывали грудь. Свобода – больше никто не будет его мучить и избивать!

Вокруг было тихо. Соседи почему-то не пришли на крик. Где-то далеко – гул голосов. Что-то отвлекло соплеменников, что-то случилось. Тревога? Пожар? Набег?

Собственная драма мальчика продолжалась. Женщина, истерично крича, набросилась на него, осыпая ударами. Она била его по-женски, раскрытыми ладонями, но ненависть придавала ей сил. Мальчик пятился и скулил, пока не споткнулся о крыльцо дома и не упал. Женщина, несмотря на истерику, была настроена решительно.

Видимо, смерть в тот день завершила здесь все свои дела и спешила в ту мрачную дыру, что называет своим домом. Град ударов прекратился. За спиной женщины возник высокий мужчина и удержал ее за руки.

– Что за дела здесь делаются?

Отец, которого не было дома целое лето, вернулся. Вождь и его войско пришли домой.

* * *

– Время делать дело, и время слово молвить. Дело сделано, а слово не вымолвлено.

Отец сидел за широким дубовым столом. Этот стол он сделал сам – как и стулья, кровати и всю избу. В округе не было недостатка в дереве, и вся округа была деревянной. Как скульптор высекает из камня скульптуру или как червь гложет яблоко, так и предки вгрызались в леса и превращали их в жилище, в комфортабельный островок безопасности.

– Почто ты брата убил?

Мачеха подала было голос, но Отец поднял руку, и женщина замолчала. Мальчик не хотел отвечать, но если спрашивает Отец, молчать нельзя.

– Он меня обижал, бил.

– Давно начал?

– Всегда, как ты уезжал.

Отец недобро посмотрел на Мачеху из-под густых русых бровей.

– Молча бил или говорил чего?

– Говорил.

Тут Мальчик почувствовал на себе взгляд Мачехи и с опаской взглянул на нее. Она не умела скрывать свои чувства. Отсутствие этого навыка – большой недостаток. Мальчик сразу понял, что спасен. И для спасения ему не нужно врать и изворачиваться – достаточно сказать правду.

– Что говорил? – мрачно спросил Отец.

– Сучьим сыном называл. И еще грязнокровкой.

– Тут покойник соврал тебе, видит Чур, – тяжело уронил Отец. – Кровь у тебя моя, а значит чистая.

Тяжелое молчание воцарилось в избе.

– Скажи, жена, – обратился Отец к Мачехе, – доколе ты зло на меня держать будешь? Мы что звери, недалеко ушли от них. Полны мы злобы, полны мы алчбы и жажды, но также полны мы и похоти. Такими мы сделаны, и нет у меня ответа, кто нас такими сделал. Сколько я помню себя, был я зверем, только без шкуры, как мой отец, как отец отца моего, как и его отец. Чужая кровь будоражит нас, заставляет нашу кровь быстрее течь под кожей. От смерти жаждем жизни еще сильнее. Когда за воином шла, какой судьбы ожидала ты?

– Верности ждала я, и ничего больше, – сквозь зубы процедила Мачеха.

Глубокая складка разделила густые отцовские брови.

– Дерзкая ты, за то и позвал тебя за собой, – покачал головой Отец. – Верность, молвишь. Так я верен тебе. В твой дом я возвращаюсь после славной сечи. Ждешь, что только с тобой буду? Такой верности от воробья жди или от псины – все одно не дождешься.

Женщина молчала, по щекам текли слезы.

– Сами себя не перебором, об этом и говорить нечего. А сына первого жалко – так и мне жалко. Живот рвется. Хороший рос сын, крепким был бы воином. Однако же, – тут Отец повер-

нул к Мальчику и указал на него пальцем, – вот этот малец доказал, что он будет воином на голову выше. Из всех нас он ближе всего к предкам – недалеко еще от них ушел. Корни сильны в нем, и он еще под защитой ушедших. Если была бы эта смерть неужодна предкам, они бы помешали. И Закон Силы никто не отменял. Силен не тот, кто сильно бьет, силен тот, кто побеждает. Запомни это.

И Мальчик запомнил это, крепко запомнил.

– Не плачь, жена. Ты сделаешь мне еще много детей. На то и дана нам молодость, чтобы детей делать. Жалко того, но славно, что у нас есть этот. Ты мать его, поскольку другая мать умерла. Заботься о нем, как о своем, коли пошла за мной. Ведь он – это мое, а все мое – твое, стало быть, и он твой. Чую я, он далеко пойдет. А ты, малец, запомни еще одно, – Отец положил на голову Мальчика свою огромную руку, перевитую толстыми канатами мышц, – сколько бы у тебя ни было силы в руках, врагов только головой победить можно.

Мальчик запомнил и это. Еще крепче, чем предыдущее.

* * *

Мальчик, Отец и Мачеха. Других имен нет. Либо умело скрыты в складках памяти, либо забыты, либо совсем стерлись со страниц истории за давностью лет. Не люди, а персонажи, которые за века превратились в архетипы. Образы из преданий, пересказанных много раз. Привилегия первых – их именами называют явления. Трагедия первых – имена забываются, явления остаются, переименовываются новыми первооткрывателями. Смерть – синоним забвения, жизнь – синоним памяти. Ничто не мертво, пока его помнят.

История Мальчика, разворачивающаяся перед глазами Вячеслава, история, которая становится частью его, Вячеслава, жизни, – это история несчастливой семьи, которая, вопреки высказыванию Толстого, несчастлива точно так же, как и другие несчастливые семьи. Как семья Роланда, а до нее – семья Гамлета, а еще раньше – семья Ореста. И миллионы других менее известных семей в прошлом, настоящем и будущем.

Отец – вождь северного племени. Потом на этих землях будет жить великое множество народов под общим именем славяне, но сейчас мир велик, как никогда, расстояния огромны, зимы суровы, лета жарки, добыча обильна, земля плодородна. Идеи государственности нет и в помине. Каждый – за себя и за своих, а свои – это семья.

Это мир мужчин, в котором мужчины дерутся, отнимают друг у друга добычу, а женщины в этой борьбе – только трофеи, не более чем домашний скот, способный заботиться о другом скоте. Разумеется, все чуть сложнее, потому что привязанности сильны, многие мужчины трусливы, а многие женщины – сильны характером. Но во все времена есть некий срез эпохи, некое усредненное значение (как римляне, поедающие виноград за ленивыми беседами о политике, или праздно философствующие греки), и эпоха Отца и Мальчика – воплощенная Валгалла.

Когда живое существо с развитым головным мозгом не озабочено проблемой выживания и стремлением добыть себе пищу, у него возникает потребность чем-то занять время – до следующего приступа голода. И тогда котенок начинает играть с клубком, а пес – бороться с соседскими собаками. За тысячелетия культуры человечество изобрело множество развлечений, но на восходе эры *homo sapiens* их было не так уж много. Племя, которое возглавлял Отец, десятилетиями развлекалось набегами на соседей, и все прочие развлечения строились вокруг битв – славных и не очень. После удачных битв гремели пиры, устраивались совместные купания, чтобы смыть пот, кровь и пыль сечи. Под вопли скоморохов затевались кулачные бои с пленниками и потехи с захваченными женщинами. После поражений проводились долгие ритуальные церемонии с целью вернуть благосклонность предков.

Зачастую приходилось обороняться, но никто никогда не устраивал геноцид. Также никто не посягал на чужую территорию – мир был большим, места хватало всем. Ненависти

не было – просто желание развлечься, провести время. Страх смерти был – но только как животный инстинкт. Кураж и примитивная вера в предков помогали его преодолеть. Считалось, что духи предков, когда не заняты веселой дракой или пиром, – рядом, охраняют достойных и наказывают виноватых. Умершие несправедливо, все ущербные – трусы, воры, увечные, калеки – обращаются в кровожадных упырей и вурдалаков и мстят живым за то, что те живы. Идеи ада не было и в помине – только бесконечные пир и битва среди родных лиц. И над всем один простой и ясный закон – Закон Силы. Кто сильнее, тот и прав.

Все это больше походило на грызню псов – псы угрожающе лают и больно кусают друг друга, но не убивают, своевременно разбегаются по своим конурам. За несколько лет подрастают дети и занимают места павших в прошлой битве. И снова бьют боевые барабаны, вьются тряпки на шестах, прародители знамен, из глоток воинов гремят боевые гимны. На стороне проигравших плачут женщины, горят дома, гаснут жизни. Но это не трагедия – привычная рутина вскипает кровью, взрывается адреналином. Только тоскливо поздней осенью и зимой – холодно. Ни косьбы, ни жатвы, ни сечи – заняться нечем, поэтому коллективное сознание гаснет в потоках самогона.

Не все жили так, как племя Отца и Сына. Да, кто-то предпочитал все брать силой – отнять легче, чем сделать самому или наладить обмен. Но не все племена жаждали драки. Где-то, где потеплее, люди жили землей, оборонялись от соседей, которых гнал голод или удальство, а сами ни на кого не нападали. Жили огородами и полями, подчиняясь бесконечному циклу смерти и возрождения природы. Сеяли и пожинали то, что посеяли.

Но все меняется, привычное надоедает, новое – влечет. Когда Отец возглавил племя, сменив своего отца, погибшего в очередной битве, ему было всего пятнадцать лет. Он был уже опытным ветераном. Первого врага он убил в восемь.

Отец вырос амбициозным и тщеславным. Наделенный гибким умом, Он не верил в предков. Он жаждал бессмертия и быстро понял, что единственный доступный человеку способ победить смерть – это слава. Для того, чтобы прославиться, нужно сделать что-то такое, что до него не делал никто. Отец решил отнять у соседей не только добычу и женщин – он решил отнять их землю. В мечтах он видел себя вождем всего известного ему мира. Сегодня, после Македонского, Наполеона, Гитлера и Сталина мысли о мировом господстве кажутся банальными и несвежими, но для человека, не так давно сошедшего с дерева и еще не нашедшего своих богов, это было настоящей интеллектуальной революцией.

В случае успеха это означало разрушение привычного мироустройства, но Отца это заботило мало. Он верил и не верил в успех, думал только о цели. Что делать с завоеванной территорией, как сохранить ее целостность, как управлять ей – до поры ему это было безразлично.

Первое, что решил сделать Отец, чтобы добиться славы, – изменить свое тело. Он с детства пообещал себе не пить самогон, чтобы всегда сохранять ясность рассудка. И сколько он себя помнил, любое свободное мгновение он тратил на тренировки: поднимал камни, отжимался, подтягивался на деревьях и махал мечом. На самом деле все это время он боролся с самым главным своим врагом – смертью.

* * *

Солнце золотыми стрелами жалит скопище людей на зеленом лугу. По бледным лицам и телам течет пот; через несколько мгновений он смешается с кровью, весело бьющей из ран. Длинные русые волосы пламенем развиваются по ветру. Люди недалеко ушли от зверей, еще не разбрелись по миру, племена и расы не смешались, потому скопище похоже на стадо – копия с копии. Лица старых – лица молодых, перерезанные морщинами и шрамами.

Отец напуган. Еще нескоро он станет Отцом, но другого имени нет. Отец – маленький восьмилетний мальчик. Естественный страх смерти мешается с радостью и азартом. Дрожь

в коленках мешает стоять ровно, все тело трясет – мальчика захватывает ощущение нереальности происходящего. Грубый железный меч в руках слишком тяжел для детских рук, рукоять скользит в мокрых ладонях. Все тело покрыто липким потом. Мокрые волосы выбиваются из-под повязки, бьют по глазам, мешают смотреть. Враг близко.

Отец не должен был быть здесь – война удел мужей, а не детей. Но Отец вырос большим и сильным, и в свои восемь он выглядит пятнадцатилетним. Его отец, вождь, решил, что сама природа подготовила сына к войне, поэтому не нужно мешать естественному ходу событий.

Тишина взрывается топотом и криками. Противники высыпают из рощицы в отдалении, бегут к Отцу и его соплеменникам. Кто-то устает, сбивается на шаг, но большинство бежит – с ржавыми топорами, с тяжелыми молотами, с безыскусными железными мечами наперевес. Лица искажены ненавистью, от носа ко рту пролегли прямые складки. Отец крепче сжимает меч, поднимает рукоять к глазам – ему кажется, что настоящий воин должен держать оружие именно так.

Враги все ближе и ближе, и соплеменники мальчика срываются с места. Плодородная земля комьями вылетает из-под грубых сапог. Слева бежит вождь, его отец, и мальчик бежит рядом. Ветер бьет в лицо. Мальчика переполняет восторг, страха больше нет – он вместе со своими друзьями и близкими делает общее дело.

Две группы людей накатываются друг на друга, как две яростные волны. Хрупкие доспехи стонут под ударами острых мечей, обагрятся кровью. Злоба и ярость на лицах сменяются удивлением, когда жизнь с кровью вырывается из ран. Лязг мечей и глухой стук топоров сливаются в симфонию сечи и смерти.

Отец бежит, но ничего не видит перед собой. Вдруг перед глазами вспыхивают звезды – тяжелый сапог встречает его грудь, прекращая бег. Мальчик валится на землю, как подкошенный. Меч выпадает из рук. Взрослый мужчина, враг, ногой отбрасывает оружие, а потом со всей силы бьет мальчика в бок. Сапог укреплен железом – ребра мальчика ломаются с глухим треском, как сухие ветки под башмаками лесника. Боль такая сильная, что сознание гаснет. Подчиняясь инстинкту, несмотря на боль, мальчик выбрасывает вперед ноги, вкладывая в удар весь свой небольшой вес. Удача на стороне мальчика: от неожиданности противник теряет равновесие и падает на одно колено. Боевой топор выскальзывает из рук и гулко ударяется оземь. Мальчик вскакивает, боль невыносимая, но боль – это жизнь. Своим хилым кулачком мальчик тычет в лицо врагу, но видимого урона не наносит. Враг взмахивает рукой, смачной пощечиной отбрасывает от себя мальчика – тот не падает. Оба противника на ногах, оба бросаются к топору. На одно короткое мгновение мальчик опережает мужчину, уворачивается он огромного кулака и, крутанув корпусом, с разворота обрушивает на врага топор. Под весом топора растягиваются мышцы, живот тянет от напряжения. С чавканьем лезвие вгрызается в бок. Глаза противника лезут из орбит – он не верит, что это происходит с ним. Мужчина смотрит на огромную рану, пытается закричать, но захлебывается кровью, потоком хлынувшей изо рта.

Вид смерти вызывает отвращение у мальчика, он шокирован и едва может двигаться. Он смотрит вокруг – всюду бьются люди, все слишком увлечены, непосредственной опасности для него нет. Тут и там лежат тела. Рядом умирает враг. Неподалеку отец пронзает своим мечом распростертого на земле противника. Завершив расправу, отец с тревогой озирается по сторонам, ищет глазами сына – находит, улыбается. Лицо в крови, улыбка похожа на жуткий оскал.

Мальчик снова смотрит на умирающего врага. Тот беспомощно тянет к нему руки, хватая за ногу. Мальчик с гримасой омерзения на лице отталкивает тело, в котором гаснет жизнь. Отвращение превращается в ужас и злобу. Мальчик подхватывает с земли свой меч и остревенело рубит врага, ускоряя приближение смерти. Лицо мужчины трескается, как переспелый помидор, сочится кровью, кожа виснет лохмотьями. Мальчик кричит, вкладывая в крик всю

свою ненависть, весь свой страх. Чужая кровь брызжет, раскрашивает одежду, заливают металлом рот.

И вдруг шум битвы затихает, цвета гаснут, мир тонет в оттенках серого. Истина кровавым цветом распускается перед Отцом: изуродованное лицо врага – лик самой Смерти. Безымянный враг умер, его существование прекратилось. Что он оставил после себя? Детей, которые вырастут, чтобы их убили в очередной славной битве? Чем этот человек отличается от десятков других, что пали сегодня? Его жена перейдет к брату, мать родит нового сына, дети заведут собственные семьи. Сам он только что вступил в длинную вереницу предков, которые охраняют воинов на поле брани. Остается только надеяться, что он будет лучшим заступником для своих детей, потому что его предки мало помогли ему.

В этот самый миг Отец понимает, что не желает себе забвения. Напуганный пустотой жизни и безжалостными жерновами времени, он клянется себе сделать нечто, что навсегда изменит мир и сохранит его имя в веках.

Вдруг затылок отзывается болью. Ноги перестают слушаться. Отец падает как подкошенный. Сзади подошел враг и со всей силы ударил мальчика по голове дубиной. Он замахивается снова, чтобы довершить начатое и раскроить ребенку череп. Тут на помощь сыну приходит меч отца. Голова врага отделяется от тела. Вяло вращаясь, по кривой дуге летит в траву, скачет по земле раз-другой и замирает с выражением искреннего замешательства на лице.

Ирония ситуации: точно такое же выражение – на лицах всех оставшихся в живых. Сеча разом прекращается: усталые, взмокшие от пота, перепачканные в крови мужчины застывают на месте, озираются по сторонам. Не сразу до них доходит простая мысль: противник наголову разбит; вокруг – тела врагов; трусы – едва различимые точки вдали. Племя Отца победило!

Крики радости, дикие вопли восторга вылетают из натруженных глоток воинов и резвятся в теплом сухом воздухе. Будто бы в награду победителям дует легкий ветерок, остужает разгоряченные головы и тела.

Вождь осторожно опускается на колени рядом с сыном, кладет два пальца ему на шею, проверяя пульс, чуть улыбается, когда видит: сын жив. Аккуратно берет его на руки и идет вслед за воинами туда, где живут проигравшие, – грабить, насиловать и снова убивать.

* * *

Сбежавшие с поля боя предупреждают о поражении тех, кто ждал их с победой. Кому-то удается скрыться, кому-то нет. Победители преследуют побежденных, разоряют, крушат все на своем пути несколько часов, а потом – с закатом солнца – уходят к себе, забирая женщин, которых удалось поймать. Побежденные возвращаются в свои дома, продолжают жить дальше. Чтобы восстановить ресурсы, они зачастую нападают на племя послабее и помалочисленнее.

Нет постоянных победителей, нет постоянных неудачников. Состояние вечной войны – не только забава, но и естественный сдерживающий фактор роста. Природе чужда идея супермаркета.

Отец решил изменить правила игры. Он начал с малого: убил предыдущего вождя, своего отца. Не было интриги, яда, удара в спину – все вышло естественно. Почти естественно.

В очередной сече Отец (пятнадцати лет от роду) и вождь сражались плечом к плечу. Отец увидел, что в паре дюжин шагов за деревом прячется лучник и натягивает тетиву. Отец замер, чтобы лучник лучше прицелился, затем тронул вождя за плечо, привлекая внимание, и сделал шаг в сторону. Стрела пробила горло навывлет, вождь скончался в считанные секунды. Отец навсегда запомнил его взгляд, полный понимания и ненависти. Вождь был честным человеком и убивал всех прочих мальчиков, которых жена приносила ему после Отца, чтобы избежать в будущем грызни за крылатый шлем. Но его сын оказался слишком нетерпелив.

Став вождем, Отец приступил к реализации своего простого плана: едва слышав о чьем-либо поражении, он мчался к проигравшим и предлагал отомстить. Сначала его войско выросло до тысячи человек, через год – до трех тысяч, через три он стал силой, с которой нельзя было не считаться – под началом Отца была целая тьма воинов.

Некоторых приближенных Отца напугали его амбиции. Они попытались плести интриги, но Отец всегда был начеку, всегда готов к жесткому отпору. Несколько раз он устраивал показательные акции: отрезал заговорщикам языки, бросал в огонь, поджаривал и съедал обугленную плоть на глазах у бывших владельцев. Затем кидал предателей на растерзание голодным псам.

Соседи трепетали перед мощью Отца, боялись его огромного войска. Некоторые присоединялись добровольно. Отец принимал не всех – иногда забавы ради он казнил мирные делегации. Как и все идеи Отца, идея зверства была очень простой – если его не запомнят как великого воина и завоевателя, пусть запомнят душегубом и кровопийцей.

Такой же логикой он руководствовался в обращении с женщинами. Он обзавелся женой достаточно поздно – из практических соображений. Он женился на Мачехе, чтобы (1) заключить выгодный союз с одним из больших племен; (2) кто-то вел хозяйство, поскольку Отец хотел жить в чистоте и изобилии. Но женитьба не мешала ему брать женщин из разбитых племен. Отец устраивал дикие оргии – и все с единственной целью каким угодно способом обрести бессмертие в головах людей.

Одна женщина так поразила его своей красотой, что он привел ее в свой дом как вторую жену. Морали не было, не было религии, не было никаких ограничений, кроме Закона, а Отец как раз и жил по Закону, он сам был воплощением Закона – сильнее и, значит, праведнее всех.

У Мачехи был огненный характер. Она сразу возненавидела вторую жену. Жалость не позволила ей убить соперницу сразу же, поскольку та понесла. Мачеха дождалась родов, купила молчание рожениц. Она самостоятельно вынула кричащий окровавленный ком плоти, с отвращением передала его роженицам и исколола обессиленную женщину острым ножом. Отец ничего не узнал – уже охладил ко второй жене и даже не пришел ее хоронить.

Мачеха думала, что воспитает ребенка как своего – вместе со своим сыном, – но ненависть пересилила. Новорожденному Мальчику пришлось несладко.

Унижения, лишения, нелюбовь, презрение, одиночество привели к трагедии, которая разразилась у крыльца Отцовского дома. Отец был влюблен в себя, в свои мечты; он был слишком занят ратоборством, чтобы уделять время семье. Да и жена с детьми не были для него семьей. Мачеха была помощницей в хозяйстве, узаконенной рабыней. Сыновья – двумя будущими воинами в его огромном войске, которые рано или поздно умрут от руки врага или от его, Отца, собственной. Он никому не отдаст крылатый шлем вождя, пока не обретет бессмертие.

Отца никогда не было дома. Он либо крушил врагов, либо искал союзников. Но вряд ли его присутствие помогло бы Мальчику – некоторые вещи предопределены.

Предопределен был и крах протоимперии, труда всей жизни Отца. Опасность пришла с неожиданной для него стороны – его убила Мачеха. Отец, как толкиеновский Саурон, погиб от недостатка воображения. Темный Властелин не мог представить, что его могут низложить два маленьких хоббита. Отец не мог представить, что его мечты и цели перечеркнет женщина.

Поскольку история об Отце, Мальчике и Мачехе архетипическая, сегодня она кажется несвежей, – после Клитемнестры, Деяниры, Далилы, Гертруды, Юдифи, Шарлотты Корде, Салтычихи и всех других женщин-убийц, когда-либо меривших землю своими шагами, убивавших из ревности, во имя идеи или просто для собственного удовольствия.

Женщина – слабое, робкое, безвольное существо, которое живет за счет мужчины. До идей феминизма был не один десяток веков. За непреложную истину принимали, что женщина ни в чем не может быть равна мужчине. Даже миролюбивое учение Христа, чьим именем было пролито немало крови, не одолело ветхозаветную вторичность женщины. Отец не думал,

что Мачеха может испытывать те же чувства – ревность, обиду, злобу. Отец рассмеялся бы в лицо тому, кто сказал бы, что женщинам не чуждо тщеславие.

Мачеха и не была тщеславной, она была ревнивой. И если многочисленные случки, которые проходили на стороне, вдали от ее глаз, она не брала в расчет, то открытую измену и желание обзавестись второй женой она простить не смогла. Первая обида закончилась убийством, так же закончилась и вторая. Мачеха бесконечно любила своего сына, всю свою нерастраченную нежность, всю безграничную женскую любовь, все болезненные порывы исстрадавшегося сердца она направила на одно-единственное существо, плоть от плоти ее. И вот этот сучий сын отнимает драгоценную жизнь, вырывая ее любимого из существования, как сорняк с грядки. А ее мужу это настолько безразлично, что он не пришиб мерзавца, даже пальцем не пошевелил.

Мачеха отдалась волхву, приближенному Отца, хранителю традиций племени, известному осторожным неодобрением его политики. Так она купила у мужчины обещание убить мужа и его единственного наследника.

План был очень прост: (1) Мачеха отвлекает отца своим телом; (2) в это время предатель пробирается в избу и перерезает отцу глотку, (3) потом убивает Мальчика. Итог: род завоевателя пресекается, империя рушится, так и не успев сложиться, и все возвращается на круги своя.

Волхв не был плохим человеком – он происходил из породы тех, кто боится будущего. Волхв и должен быть человеком прошлого, держащим совет с предками. Если в смерти Отца он видел естественную необходимость, то Мальчика жалел и убивать не собирался. Он знал, что иногда яблоко слишком далеко падает от яблони.

Волхв попросил своего старшего сына поиграть с мальчиком, обманом увести его подальше в лес и бросить там. Потом они смогут его найти, предки укажут путь. Быть может, к тому времени гнев Мачехи утихнет и она передумает. А если мальчика не найдут и он сгинет в лесах, оно, может, и к лучшему.

Сын волхва выполнил наказ отца, но мальчик не потерялся. Он плутал в лесу, пока не стемнело. Луна освещала все неверным, призрачным светом. Тут и там ему виделись призрачные фигуры предков, протянувшие кулаки с отставленными указательным пальцем и мизинцами. Древним магическим жестом Вур ушедшие указывали ему дорогу к дому.

Дом встретил Сына шумом борьбы. Мальчик вбежал во двор, поднялся на крыльцо. В открытой настежь двери Сын увидел, как Отец, обнаженный, душит какого-то мужчину. Лунный свет лился в окна, превращая происходящее в кошмарный сон. На Отца с диким криком бросилась Мачеха – тоже голая – и зубами впилась в плечо. Отец стряхнул ее с себя одним легким движением. Враг хрипел в его руках, теряя тело. Чтобы поскорее закончить с предателем, Отец напряг все свое могучее тело, мышцы толстыми питонами заскользили под кожей, – резкое движение, хруст, смерть. Список предков пополнился.

Мальчик не верил своим глазам. Отец казался ему не человеком, а демоном войны, ярости и мщения – огромное рельефное тело, длинные волосы, разметавшиеся по плечам, обнаженные в зверином оскале зубы, дикий взгляд, огромный подъятый фаллос. На один короткий яростный миг его мечта исполнилась – в глазах собственного сына он стал божеством. У Микеланджело Иегова прикосновением пальца передал жизнь Адаму. Отец передал Сыну прекрасную мечту о божественности своим отчаянным, диким взглядом.

Из груди Отца вышло лезвие – параллельно его мощному фаллосу. Кровь тонкой струйкой потекла из раны по животу. Взгляд потух, рот скривился в гримасе разочарования. Отец сделал два неверных шага, фаллос съезжился, мужчина упал рядом со своей жертвой. Мачеха убила завоевателя его собственным мечом.

Мальчик остался наедине со своей приемной матерью. Он – снаружи, она – внутри страшного дома. Размахивая окровавленным мечом, Мачеха закричала, рванулась к приемышу,

но споткнулась о тело мертвого мужа и растянулась между мужчин, с каждым из которых делила постель. Меч выскользнул из ее рук, поскакал по крыльцу, пачкая его кровью.

Мальчик знал, что нужно делать: он подхватил меч, повернул его в руке – лезвие сверкнуло в лунном свете. Медленно вошел в дом. Мачеха уже стояла на ногах. Ее красивое тело содрогнулось от страха, когда она увидела Мальчика. Она поняла, что это не сын вошел в ее дом, но смерть. Сейчас сталь остудит ее горячую кровь.

Она не сопротивлялась, когда сын, зажав рукоять в своих детских ручках, вонзил меч ей в живот. Это приравнило его к Отцу. Сын и Отец слились в нем, в убийстве, в мечте, в смерти, в женщине, в прошлом, настоящем и будущем.

Меч мягко вошел в тело. Там он и остался.

Мальчик посмотрел на три мертвых тела.

Так он узнал цену жизни.

Так Сын заразился идеей Отца.

Мальчик ушел в ночь. Сбежавшиеся на шум соседи не останавливали его.

* * *

Земля, объединенная Отцом, развалилась. После недолгой грызни племена разошлись, лишенные общего вождя. Все вернулось на круги своя.

Страх перед Отцом был так силен, что всюду ползли слухи, будто душегуб не умер. Говорили, что он чудом спасся, обманул всех, подкинув тело подменыша. Говорили, он еще вернется, чтобы править миром. Якобы он только на время уполз в дремучий лес за горами, дабы распутничать и пьянствовать там, поминая былое. Девиц пугали им и не пускали в лес, чтобы он не опоил их и не насильничал. На опушках оставляли ему подношения – стакан самогона и хлеб с солью на закуску. Напьется, мол, и не тронет.

Так и жили, храня образ в памяти. Кто-то почитал Отца за великого богатыря – выше гор ростом. Мол, злость и обида его были так велики, что он вырос на сотню голов вверх, чтобы издалека видеть свой род. После ему даже новое имя дали – Святогор. Кто-то, наоборот, считал его горьким пьяницей, мечущимся по лесам с поросычьем визгом.

В этом две стороны человеческой души: одной нужен герой, другой – шут.

Много зим спустя по деревьям на белом коне промчался призрак Отца и призвал смельчаков в свое войско. Он был моложе, крепче, злее и изворотливее, чем его помнили. Высокий, но явно не выше гор.

Воинство, которое ему удалось собрать, – поначалу небольшое – он вел к победе самыми разными путями. Тот, прежний, Отец почти всегда полагался на грубую силу, этот – побеждал хитростью. «Переплут», – говорили о нем и пугали им детей.

Много славных и бесславных дел он совершил. Истории о его подвигах на пути к бессмертию поросли быльем, его деяния приписали другим, факты стали историей, история стала сказкой, сказка – мифом. Он нападал на врагов, прячась во внутренностях коровы; соблазнял вражеских вождей, наряжаясь в женские одежды; выжимал самогон из камней, чтобы его войско напилось в честь победы; превращал врагов в свиней, а друзей – в волков. А однажды он, распятый на ясене, принес себя в жертву самому себе и достиг желанной цели – поселился в людских головах и стал богом. Тело его сгнило на ясене, сгнил и ясень, но Отец жил.

Когда-то он был Мальчиком, Сыном, но в один роковой день он познал своего Отца, чтобы стать им и воплотить его мечты.

* * *

Появились и другие боги. Многое они совершили вместе, много подлых интриг сплели, много кубков опрокинули на пышных пирах.

А потом – в белом венчике из роз – пришел сын Марии. Его принесли в своих головах странные бродяги со скорбными лицами. Взгляды их были строгими, но ясными; в глазах – небеса. Славянских богов забыли. Идолы поплыли вниз по реке, боги разошлись по земле, растратив былую силу. Боги живут, пока им приносят жертвы. Боги живут, пока в них верят.

Время шло. Лес отступил, подчинившись железному маршу машин и асфальта. Небеса расчертили линии электропередач. Многое изменилось, но люди остались прежними – придумали себе новых богов.

Мальчик, который стал Отцом, постарел и назвал себя Старым. Он обошел много земель, многое увидел, пока, утомленный, не осел на том месте, где его нашел Вячеслав. Где-то рядом, Старый знал, жили другие боги, но ему не было до них никакого дела, как и им до него. Для них все осталось в прошлом.

Глава 3. Молитва

*Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искал.*

А. Блок

Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

В. Ленин

Вячеслав очнулся. Тело ужасно болело, кишечник ошетинился колючей проволокой. Голова кружилась. Жизнь казалась сном. Настоящее – то, что произошло в другом месте в другое время. Воспоминания, свои и чужие, заменяли друг друга, смешивались, преобразовывались. Чужие лица стали знакомыми, знакомые – чужими.

Он лежал на земле. Глаза слиплись, раскрылись с трудом. В ноздри ударил тяжелый металлический запах. Вячеслав поднес руку ко рту, к бороде, стряхнул комья засохшей рвоты. Ему было холодно, земля остудила тело. Он с трудом привстал на локтях, живот болезненно дернулся.

Вокруг темно. Вячеслав попытался вспомнить, где он и как оказался здесь. Получилось не сразу. Он потряс головой, пытаясь упорядочить воспоминания. Страницы памяти в голове – перья в подорванном курятнике. Саркис, Лиана, встреча, «Ашан», старик...

Вячеслав осторожно поднялся и зашатался на нетвердых ногах. Огляделся. Лунный свет едва придавал предметам форму. Вот скамейка. Рядом на земле – рюкзак. Чуть поодаль – разбитая пивная бутылка и осколки стекла.

Что произошло? Он вспомнил старика. Чего он хотел? Вячеслав похлопал себя по карманам, осторожно заглянул в рюкзак, проглядел все отделения, прощупал их. В рюкзаке – три бутылки. Вино – для дамы, водка – для Саркиса, ром – для себя любимого, вспомнил Вячеслав. Там же – одноразовые бритвы, гель для душа, упаковка жвачки, четыре крупные картофелины, две морковки и половина куриной грудки (для фирменного блюда Вячеслава, которое он называл «варево»). Тонкий кошелек, старый мобильный, паспорт и прочие мелочи – все на месте. Старик не пытался его ограбить. Почему он напал на него? Если хотел убить, почему не убил? Испугался?

И что за ерунда ему пригрезилась? Отец, Мальчик, Мачеха, войны, предательства, кровь...

Голова гудела. Вячеслав провел рукой от лба до затылка, пытаясь привести мысли в порядок. Брезгливо поморщился – волосы слиплись. Вячеслав попробовал распутать их, посыпалась какая-то шелуха. Он подумал, что это земля или грязь. Поднес пальцы к глазам, к носу, понюхал – кровь.

Старик ранил его! Вячеславу стало страшно. Вдруг он все еще где-то здесь, затаился, чтобы напасть снова. Вячеслав нервно посмотрел по сторонам, прислушался. Недалеко ревел МКАД, гася прочие звуки. Вячеслав схватил свой рюкзак, перекинул его через плечо и пошел прочь, глядя по сторонам, чтобы предупредить возможное нападение. Он поклялся себе больше никогда не появляться здесь.

Вячеслав не отошел от скамейки и пяти шагов. В темноте он не заметил кучу тряпья, споткнулся и едва не упал. Тело отозвалось болью и рвотным позывом. Куча тряпья зашевелилась и издала протяжный стон. Вячеслав отшатнулся. То, что он принял за кучу тряпок, – человек. Взгляд выхватил отдельные детали – бороду, усы, острый нос, рубашку, шапку в траве чуть поодаль. Сомнений не было – это Старый.

Старый выглядел безобидным, даже жалким. Он беспомощно лежал на спине, одна нога согнута в колене, другая вытянута. Руки расставлены как при распятии.

– Эй, как вы? Вы в порядке? – позвал Вячеслав.

В ответ – только тихий стон.

Вячеслав подошел поближе. Склонился над Старым, потряс за плечо, заглянул в лицо. Глаза открыты, но что это были за глаза!.. Контраст разительный. Золотые глаза Старого, в которых плясали черти, потухли. Лицо заметнее расчертилось морщинами. Старый как будто вмиг потерял десять лет. В уголках рта блестела слюна. Лицо обрюзгло и одряхло, как будто раньше держалось на шурупах, а теперь их все разом выкрутили.

Вячеслав провел ладонью перед этими безжизненными, тусклыми глазами. Реакции не последовало. Что-то случилось со Старым, и теперь он пребывал в вегетативном состоянии.

Вячеслава посетило пять мыслей:

1) *Время. Сколько времени прошло? Несколько часов? Несколько дней? Или несколько лет, как у Ирвинга?*

2) *Недоумение. Что здесь, черт возьми, произошло? Что случилось со стариком?*

3) *Безразличие. Какие же люди равнодушные. Даже если мы пролежали здесь час-другой, наверняка мимо прошла куча народу. Все-таки «Ашан» рядом. Разбитая пивная бутылка сделала нас невидимыми. Никто не хочет связываться с пьяными.*

4) *Шапка. Надо забрать у старика шапку. Все равно она ему больше не понадобится. С паршивой овцы хоть шерсти клок.*

5) *Безопасность. Надо уносить ноги. Если кто-то увидит меня здесь, могут возникнуть вопросы.*

Бросив на Старого последний встревоженный взгляд и аккуратно подхватив с земли осиротевшую шапку, Вячеслав быстрым шагом пошел прочь. Идти было тяжело, а путь предстоял неблизкий. Вячеслав надеялся, что еще не очень поздно и он сможет доехать домой на маршрутке. Хотелось поскорее оказаться дома, подальше отсюда. Он быстро прошел мимо озера, казавшегося в темноте бассейном с нефтью. Фонари отражались в воде желтыми масляными мазками, как звезды на картине Ван Гога. Приблизились многоэтажные дома, вдалеке засияли рекламные щиты и магазины у метро Алтуфьево.

Он шел по нечетной стороне Алтуфьевского шоссе. Прохладная летняя ночь освежила его и улучшила настроение. С каждым шагом, отделяющим его от места несчастливой встречи, становилось лучше. В конце концов, хорошо то, что хорошо кончается. Вес рюкзака за спиной напомнил о гостях, Вячеслав начал думать о связанных с предстоящим визитом хлопотах по дому и совсем успокоился.

Остановись, подойди к дороге и проголосуй.

Не слова, а образы. Вячеслав увидел себя со стороны – вот он стоит у бордюра с вытянутой рукой. Кулак, большой палец отставлен. Жест-просьба – подвезите.

У него не было денег на поездку. Как ему вообще пришла в голову эта мысль? Он крайне редко пользовался такси.

Подожди к дороге. Проголосуй.

Если это интуиция, то она оказалось крайне настойчивой. Раньше этого за ней Вячеслав не замечал. Но желание сделать так, как ему приказывал внутренний голос, было нестерпимым.

Скорее. Опоздаешь.

Снова образы – с примесью чувств. Бег и разочарование от упущенной возможности.

Вячеслав пошел по траве, вытянув кулак с отставленным большим пальцем.

Не так.

Несколько образов – рок-концерт, беснующаяся толпа, Человек-Паук, коза, малиновые пиджаки. Детский ребус – что общего?

Вячеслав понял: он отставил указательный палец и мизинец правой руки, рука стала трехпалой. Он вспомнил, что во сне этот жест имел какое-то особенное, ритуальное значение.

Другая рука.

Левая рука была занята шапкой, украденной у старика. Вячеслав взял шапку в правую руку и повторил жест левой.

Движение по шоссе было свободным и вялым. Вдруг ночная тишина взорвалась ревом мотора. По дороге с бешеной скоростью мчалась маршрутка. Поравнявшись с Вячеславом, водитель ударил по тормозам, по-видимому, отреагировав на его жест. Желтая грязная машина с чудовищным скрежетом затормозила, резко подалась назад и остановилась напротив Вячеслава. Тяжелая помятая дверь с писком отвалилась и поползла в сторону. На машине не было номера маршрута и бумаги с указанием стоимости проезда.

Внутренности маршрутки – темные и неприветливые. Людей внутри не видно. Вячеславу совсем не хотелось забираться в черный желяной зев.

Садись.

Вячеслав собирался уйти, но ноги не слушались. Будто бы наделенные собственной волей, они понесли его к распахнутой двери. Подступила паника – происходящее казалось в корне неверным.

Вдруг из темноты выступил высокий мужчина. Вячеслав скользнул по нему взглядом: спортивный костюм, всклокоченная рыжая борода – какой-то бродяга. Он протянул руку и крепко сжал плечо Вячеслава.

Несколько секунд рыжебородый смотрел ему в глаза, а потом, улыбаясь, сказал:

– Дружище, у тебя пяти рублей не найдется?

Вячеслав мотнул головой, повел рукой, стряхнул руку бродяги с плеча и сделал шаг к маршрутке. Сложившись пополам, чтобы не задеть головой низкий потолок, он неловко впрыгнул в машину. Несмотря на предосторожность, больно приложился головой. Рухнул на свободное сидение за водителем. Лямка соскочила с плеча, и рюкзак устроился по соседству. Маршрутка рванула с места.

– Если будет холодно, не забудь надеть ботинки! – донесся до него голос рыжебородого.

Дверь пискнула и поползла обратно, отрезая Вячеслава от мира и от бродяги.

Рыжебородый смотрел вслед удаляющейся машине.

Что-то кончается, что-то начинается.

* * *

Как только дверь закрылась, Вячеслав почувствовал острую головную боль – как будто в левый висок вонзили нож. Ресницы затрепетали, глаза закатились, показались белки. Рот скривился, вспенился, белая пена тяжелыми каплями устремилась к полу. Тело забилося в конвульсиях, Вячеслав, извиваясь, завалился набок, и его сознание погасло. Шапка выпала из ослабшей руки.

Через несколько мгновений он поднялся, улыбнулся, сделал жест руками, будто бы стряхивая крошки с одежды, посмотрел на ногти. Широкая улыбка застыла на лице, в золотых глазах плясали черти.

Взгляд наткнулся на шапку. Вячеслав подобрал ее, отряхнул и убрал в рюкзак.

Водитель следил за пассажиром через зеркало заднего вида.

Вячеслав повернулся через плечо и тоже посмотрел в зеркало. Золотые глаза вспыхнули еще ярче.

– Сколько лет, сколько зим, дружище! Отлично выглядишь!

За рулем сидел угрюмый седой мужчина. Белые борода и усы скрывали подбородок, но были аккуратно острижены. Волосы на голове короткие и жесткие, на лбу – серая повязка, как у теннисистов. Брови хмуро сдвинуты. Одет водитель был в коричневый пиджак и черные брюки, подпоясанные кожаным ремнем. На шее на тяжелой золотой цепи весело блестел медальон – змея, кусающая собственный хвост. Ноги в грубых рабочих ботинках упирались в педали.

– Когда мы виделись в последний раз, ты еще не познал радостей бритвы!

Вячеслав критически осмотрел водителя в зеркале. Затем встал, повернулся, согнувшись, перебросил тело через спинку переднего сиденья, едва не задев ногой водителя, и оказался на пассажирском месте у окна. Вячеслав чувствовал себя отлично и наслаждался молодостью своего тела. Он вальяжно развалился на сиденье, закинул ногу за ногу.

– Ты, наверное, используешь ножницы? – сказал Вячеслав.

Вячеслав показал водителю язык и несколько раз ударил указательным пальцем о средний, изображая ножницы. Водитель недобро глянул из-под густых бровей. Открыл рот, будто собрался осадить спутника. Рот открылся неправдоподобно широко. Внутри, рядом с вялым обрубком языка, шевелился маленький темный ком. Миг – и из ущебного рта выпрыгнул крошечный серый воробей с черными глазками-бусинками. Затем еще один, и еще. С десятков воробьев скакали по приборной панели, рядом с фигуркой странного крылатого пса, уныло кивающего головой в такт движению. Еще несколько их сородичей, чирикавая без остановки, засуетились на коленях водителя, на свободном переднем сиденье, разделявшем мужчин.

– Ох, Даж, любишь ты дешевые трюки, – протянул Вячеслав.

Воробьи вмиг смолкли, но свое беспорядочное движение не прекратили.

– И! мя! – по слогам пропищал один.

– Не! на! зы! вай! и! мен! – подхватил второй.

– Кто! ты! не! пом! ним! тво! е! – высказался третий.

– Потому что я умею хранить тайны, – сказал Вячеслав.

Он выставил вперед руку, воробей запрыгнул на раскрытую ладонь.

– Интересный прием, ничего не скажешь, – Вячеслав почесал указательным пальцем жесткую макушку воробья. – Почему воробьи? Двойное дно?

Водитель молча кивнул и подбородком указал куда-то за окно. Вячеслав посмотрел за стекло. Городской пейзаж сменился бескрайним полем, ночь – солнечным днем, асфальт – вытоптанной дорогой. По обочинам высокая трава кланялась солнцу. Вдалеке – черные точки, стадо коров. Еще дальше – деревянные макушки идолов. Древние боги, старые друзья, старые враги.

– Помнишь, как все было? – покачал головой Вячеслав, горько ухмыляясь половиной рта. – Мы были так молоды!.. А нам казалось, что мы уже старые и мудрые. Вон оно как, вот чем обернулась наша мудрость! Где теперь мой крылатый пес? Где Полкан-китоврас? Где твой огненный конь? Помнишь, как ты мчал по небу наперегонки со стрибожьими внуками? Помнишь, как сияли глаза Ярилы у тебя за спиной? Куда все это ушло? Где это искать? Там, – Вячеслав сложил указательные пальцы обеих рук в крест, – где все, чего больше нет. Там, где твой брат. Там, где твой язык. Там, где наши мечты и надежды.

Ненадолго воцарилась тишина. Изредка только чирикал воробушек.

– Это даже смешно. Раньше у тебя был огненный конь, а теперь – только эта желтая развалюха.

Воробьи затихли.

– Ладно, не серчай. У меня нет и этого.

Тишина.

– Скучаешь по брату? – Вячеслав посмотрел на водителя со странным выражением на лице, будто изо всех сил гасил улыбку.

– Да! Да! Да! – наперебой зачирикали воробьи, водитель молча кивнул.

Поле за стеклом запылало, скот в ужасе закричал. Идолы обуглились и рассыпались прахом.

– Воробьи – птицы с Ирия, проводники в мир мертвых. Пламя – огненная река с Калиновым мостом. – Вячеслав задумчиво приложил пальцы к губам. – Ты ждешь, что все мы, те, кто остался, скоро сдохнем. Я все правильно понял?

Воробьи заволновались:

– Мы! мерт! вы!

– Нас! нет!

– Мы! те! ни!

– Но мы живы, и у нас еще есть шанс.

– Сын! сын! ма! ри! и!

– За! бы! ты!

– У сына Марии дела сейчас идут уже не так хорошо, как раньше.

– За! чем! при! шел!

– Го! во! ри!

– Кто! ты!

Вячеслав наклонился вперед и повернул голову, внимательно посмотрел водителю в лицо.

– Посмотри на меня внимательно. Неужели не узнаешь?

Водитель недоверчиво стрельнул глазами в сторону Вячеслава. От дороги он не отвлекся: впереди громоздился дикий пейзаж. Горели капища, падали идолы, из земли вырастали белокаменные храмы с крестами и золотыми куполами. Все тонуло в колокольном звоне.

Вячеслав положил руку водителю на плечо и повторил:

– Даж, посмотри на меня. Посмотри внимательно. – Он покрутил головой – анфас, профиль, – чтобы седовласый как следует разглядел его лицо. – Ты не смотри, что лицо немного подбито. Без этого, увы, никак. Вглядишься в черты, посмотри на брови, на скулы, на подбородок.

Водитель угрюмо взглянул на Вячеслава. Взгляд медленно прополз от губ к макушке.

– Ну что, не узнаешь? Ничего, я тоже не сразу узнал. Дам подсказку. Первая буква – К. Вдруг седые брови метнулись вверх.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Вячеслав.

– Кро! до! – защебетали воробьи.

– Вре! мя!

– Да-да, – сказал Вячеслав, – смекаешь?

– Брат! брат!

– Да, твой брат снова будет жить. И не только он, все будут живы. Эти отвратительные серые коробки сгинут, всюду вырастут деревянные избы. Мокошь украсит землю цветами. Мы опрокинем по бочонку пива и споем забытую песню. Велес снова будет веселить нас своими танцами. Бабы понесут от него и нарожают волосеней. Чернобог и Белобог будут меряться силами, а Жив и Жива – любиться... Мы все извлекли из случившегося урок, – Вячеслав раздумчиво постучал пальцами по губам, – мы не допустим, чтобы сын Марии снова отнял у нас все.

– План! план! – бесновались воробьи.

– Я всегда умел составлять планы, дружище. Планы в планах, а в них – еще одни планы. Только вот о Кродо следовало подумать немного раньше. Лет этак с тысячу назад.

– Про! пал! кро! до! нет! – быстро пропищал воробей, запрыгнувший на плечо Вячеславу.

– Я знаю много древних заклинаний. Среди них – заклятие воскрешения. На поиски Кродо, живого или мертвого, у нас не так уж много времени – до солнцеворота всего ничего. Даже если Кродо мертв, мне нужно найти место, где он умер. Нужна земля с этого места. А у этого парня, – Вячеслав повел плечами и развел руки в стороны, – в голове опухоль размером с... – он открыл бардачок и вынул оттуда небольшую коробочку, наполненную монетами и позвякивающую от движения, – ...пятирублевую монетку!

Вячеслав подбросил монетку в воздух, поймал ее левой рукой, перевернул и припечатал к тыльной стороне правой ладони.

– Знаешь, дружище, я загадал, что у нас все получится, если выпадет орел! Гляди-ка! – прошептал Вячеслав, сунув монетку водителю под нос. – Орел! Теперь мы не можем проиграть!

– Брат! вос! кре! си! сей! час!

– Если мой план осуществится, то все воскреснут – и твой брат тоже.

Водитель хмурил брови, но на губах бродила улыбка.

– За! гад! не! бы! ва! ет! бо! гат!

Вячеслав пропустил замечание мимо ушей. Глядя перед собой, он машинально спрятал монетку в карман.

Потом помолчал еще немного, тряхнул головой и продолжил:

– В этой голове, – Вячеслав постучал указательным пальцем по виску, – червь. Как в яблоке. Я и есть этот червь. И через год я сожру его. Выпью его до дна. Через месяц он не сможет и двух слов связать. Через два у него отключится левая половина тела. Или правая. Все зависит от того, куда поползет опухоль. Вскоре он умрет, и кровь его остынет. Я впрыгну в чью-нибудь другую голову, но мы проиграем – раз и навсегда. Нас всех постигнет участь твоего брата.

Вячеслав зло посмотрел в окно, где люди шестами толкали идиолов к воде.

– А я не для того победил смерть, чтобы она меня настигла! – прокричал вдруг Вячеслав.

Золотые глаза вспыхнули огнем, изо рта брызнула слюна.

– Понимаешь, Даж? На все про все у нас месяц. Если мы поднимем всех наших и спросим их, где и когда они в последний раз видели Кродо, у нас будет шанс вернуть его, а вместе с ним – все, что распятый забрал у нас. Помогите мне, Даж, пожалуйста, помогите мне.

Впервые за весь разговор водитель широко улыбнулся. Он не улыбался уже долгое, долгое время.

– По! ру! кам!

Две мужские ладони хлопнули, скрепляя союз. Воробьи испуганно заметались по салону.

– Рад, что ты со мной. Мне нужно много где успеть, а времени в обрез. На своих двоих далеко не уйдешь. К тому же, весь завтрашний день отнимет этот парень, – Вячеслав раскрытой ладонью постучал себя по груди, – у него там встреча с женщиной намечается. Сам понимаешь, это святое. Мне же придется его убить. Это мой прощальный подарок ему. За все, за все тебя благодарю я... Даж, ты меня, конечно извини, но есть охота...

И Вячеслав быстрым, едва различимым движением схватил воробья рукой, поднес ко рту и отгрыз голову. Водитель только покачал головой, по-прежнему улыбаясь.

Вячеслав отбросил воробьиную тушку в темноту салона, смачно рыгнул и потер руками живот:

– Вот это другое дело! А теперь вперед, на Путевой! Подвезем парнишку домой!

Наступила тишина. Воробьи притихли. Водитель и пассажир сконцентрировались на дороге. Каждый думал о своем, каждый видел за окном отражение своих мыслей.

Пассажир – чужое сознание, поселившееся в голове Вячеслава, – думал о прошлом. При благоприятном исходе прошлое станет его будущим. Дажьбог, его попутчик, никогда не был силен в интригах и всегда все принимал за чистую монету. Конечно же, все никогда уже не будет так, как раньше. Порядок, установленный в их прошлом, нужно сломать и пере-

делать – это вопрос выживания. Людям нельзя давать свободу – особенно если ты бог и твое собственное существование зависит от их веры.

Сознание в голове Вячеслава – сознание древнее, существующее уже не одно тысячелетие. За это время оно прошло путь от человеческого к божественному, от рассвета старого мира к его закату. Все эти годы оно, утратив тело, скакало из одной головы в другую, разрушая носителей, оставляя в их головах отвратительные мягкие опухоли. Как переполненный мешок деформируется и рвется, если доложить в него новые плоды, так и человеческий мозг не выдерживает присутствия нескольких сознаний.

После поражения падший бог не переставал искать ответ на вопрос, как наступило это темное время и что же они, древние боги, сделали не так. С годами он понял, что ответ лежит на поверхности. Древние боги погрязли в праздности и гедонизме. Они увлеклись междоусобицами, божественными распрями, родственными браками, играми со смертными и играми в смертных. Когда-то все они были обычными людьми, и все хорошо помнили, каково это – быть человеком. Они не натягивали на себя маску строгих родителей, не изображали из себя безжалостных палачей, не карали тех, кто в них верил, или тех, кто не верил. Они по своему капризу принимали или не принимали дары и жертвы, кому-то помогали, кого-то игнорировали, давая людям понять, что им нет до них дела.

Да, смертные, их цели и желания, мало интересовали древних богов – чего не скажешь о боге странного племени иудеев. Их бог кочевал со своим народом по миру, наставлял их, помогал им, жестоко наказывал за малейшие проступки. Он был им как отец, как нянька. Он был заботлив и педантичен, он дал им каменные таблички с законами. У бога иудеев были любимчики – пророки, посредники, гонцы, ретрансляторы его воли.

А у нас? Разве кто-то из древних богов занимался законотворчеством? Являл ли себя Перун кому-то из тех, кто бил поклон его идолу? Выслушивал их молитвы и просьбы? Выделял ли кого-то, кроме редких волхвов, которых многие считали безумцами?

Если забыть о детях, пока они растут, они забудут тебя, когда вырастут.

Старый смотрел за окно чужими глазами и видел там безграничную пустыню, терзаемую солнцем, и колонну людей, неверно шагающих и оступающихся на песке. Лица осунулись, на всех – выражение бесконечной усталости. Их вел вперед бородатый мужчина неопределенного возраста. Левой рукой он опирался на посох, правой – прижимал к телу каменные таблички, страстно, любовно, будто желал слиться с ними. На суровом лице жили глаза – глаза безумца, глаза влюбленного, глаза фанатика.

Над вождем и его племенем висело облако; на нем, свесив ноги, сидел бог и напряженно следил за своим народом.

В этом что-то было. Так отец смотрит на своих маленьких несмышленных детей, устроившись в отдалении. Он дает им почувствовать самостоятельность, но не сводит с них внимательный, настороженный взгляд; он готов ринуться на помощь в любую минуту.

Говорят, бог иудеев пришел к ним с юга, оставив другое племя. Что ж, тем трогательнее его забота об иудеях, его приемных детях.

Может быть, иудейский бог, как многие верят, – аватара Творца или сам Творец? Старый бог, приютившийся в опухоли в голове Вячеслава, в это не верил.

Как можно было быть такими беспечными, такими недалекими? Сомнений нет, бог иудеев тоже когда-то был человеком. Однако став божеством, он не потерял то, что потеряли все остальные, – разум. Он осознал великую ответственность, что пришла с великой силой. Возможно, он был самым прозорливым из всех; возможно, он предвидел ужас смерти без рождения и потому приложил все усилия, чтобы выжить.

А история с сыном Марии? Это же гениально! Сын Марии был троянским конем, который обрушил стены их крепости. Странствующий философ с печальными глазами разоружил их – вояк, насильников, убийц, обратил в прах их молоты, копья, палицы, изгнал их из голов людей,

и все они дружно отправились на свалку истории, подхваченные ветром перемен, как желтые осенние листья. Поделившись с ним бессмертием, бог иудеев продлил и свою жизнь, правда, ему пришлось чуть отойти в сторону. Иронично, что непослушные иудеи и здесь не угадали волю своего бога и не приняли того, кого он провозгласил своим сыном.

Мечтательная полуулыбка осветила лицо Вячеслава, когда мимо пронесся невысокий холм, на котором на грубых деревянных крестах извивались три тела.

Бог иудеев – стратег. Святое воинство сына Марии, все эти робкие волевые люди с небесами в глазах, прошли полмира и окрестили его водой. Древние боги пытались драться, но последователи Христа были сильнее, вера придавала им сил. Апостолы, ученики и святые мученики бились, как львы. Одному из них, Георгию, Дажьбог обязан своим молчанием: этот святой вогнал ему в рот копье, когда Дажьбог явился ему в образе змея. С тех пор, меняя тела, Дажьбог каждый раз отрезает себе язык в память о том поражении.

Так, всего за пару веков, Бог иудеев стал отцом человечеству – он дал им мораль и прекрасный идеал, за которые стоило умирать. Там, где древние боги предлагали сочную баранью ногу, кружку пива и славную битву, сын Марии предлагал бессмертие.

А воинственные южные народы, последнюю надежду древних, бог иудеев подчинил, отправив к ним Магомета.

«Хотелось бы с ним встретиться однажды, – думал Старый, проталкивая мысли сквозь извилины Вячеслава. – Пожать руку, взять автограф. Он провел эту партию блестяще».

За окном потянулись черные и белые шахматные клетки, на которых двигались рыцари, сарацины, инквизиторы, монахи, ученые, шуты, короли, императоры, Адам, Авраам, Ной, Моисей и сын Марии. Магомета не было – изображать его запрещено. И над этой шахматной доской, заслоняя небо, склонилось старое мудрое лицо, глядя сверху вниз холодным, расчетливым взглядом.

Иногда Старый встречал в головах людей других древних богов. Некоторые из них были очень сильными – намного сильнее, чем он сам. Это были боги с дальнего востока, в роскошных разноцветных одеждах, в причудливой обуви с загнутыми носами, с полными щеками и блаженными улыбками. Они были очень похожи на своего духовного брата – Будду (Старый встречал и его, спящего, благоухающего пряностями и специями). Они представляли собой серьезную силу, но им ничего не было нужно. Они наслаждались своим бессмертием. Вещественное было им безразлично – только эта странная божественная бесконечность, которую они называли Нирваной. Бога иудеев Старый не встречал никогда, как и распятого сына Марии, только проекции, фантазии о них.

С годами Старый понял, что каким-то образом этот странный двуликий бог (Отец и Сын) нашел способ поселиться не в головах людей, а в их сердцах. Может быть, это объясняет сердечные приступы, инфаркты?

Старый ловил себя на мысли о том, что забвения можно было бы избежать, если бы он вовремя ушел на восток. Люди там другие, наивные, искренние. Но это означало бы вечное существование, но не желанный вечный праздник. Пусть так, все лучше, чем смерть без рождения, но сделанного – как и несделанного – не воротишь.

Старый был человеком (а потом и богом) деятельным, ему претила праздность восточных богов. С другой стороны, бог иудеев тоже не далеко от них ушел: его значимое отсутствие приравнялось к праздности. Как бы там ни было, покой – не для Старого. Вопреки своему прозвищу, Старый остался молод духом и грезил о былых временах, о своем персональном потерянном рае: о вечной Вальгалле, битвах и пирах, о союзах и предательствах, о пиве рекой и о женщинах. Глаза Старого, глаза Вячеслава, остекленели, мысли обретали плоть за окном, внешнее слилось с внутренним.

Сейчас, когда впервые за тысячу лет появилась надежда все изменить, Старого остро колола древняя обида на распятого. Он пришел, хотя его никто не звал – несчастная марио-

нетка своего Отца. Он, этот печальный мученик, вывернул природу людей наизнанку, злобу заменил сочувствием, предательство – верностью, ненависть – любовью. Все полетело к черту! Счастье Старого, вся его жизнь, все его мечты рассыпались, как карточный домик.

Царство Отца и Сына длится уже более тысячи лет. У них, древних богов, не было столько времени.

Когда-то давным-давно Старый не был злым богом. Он, как и все древние, совершал и хорошие, и плохие поступки, хитрил, выигрывал и проигрывал. Он вступал в союзы с противниками и обманывал их, но никогда не подводил друзей; был гостеприимным хозяином; в отличие от остальных, он искренне помогал тем, кто верил в него, сурово наказывал их врагов.

Многих древних северных богов отличало стремление к чести и благородству. Может быть, проиграть распятому было бы не так больно, если бы всем людям на свете от этого стало легче жить? Но ведь это не произошло. Именем кроткого сына Марии было замучено и убито столько несчастных и невиновных, сколько не съел самый кровожадный из забытых идов.

И Старый злился на людей, на это ужасное племя лентяев, гениев и безумцев. В конце концов, все беды – из-за них. Трусливые, циничные, неблагодарные, лживые, эгоистичные маловеры. Старый знал: люди считают, будто бы боги им завидуют. Но он помнил, что такое быть человеком, и был уверен – это люди завидуют богам, а не наоборот. Боги боятся смерти без рождения, но, раз вкусив запретный плод бессмертия, они больше не хотят быть смертными.

Люди верят в богов только из лени и трусости: им нужен кто-то, на кого можно переложить все свои тревоги и заботы. Когда у человека все хорошо, он уверен, что всего добился сам. Когда по глупости он попадает в ловушку, то в отчаянии начинает молиться, а потом, не дождавшись ответа, проклинает своих кумиров. Больной старый Ницше отдал бы все за бессмертие, целовал бы стопы богу иудеев, которого поносил, чтобы только выпросить дар, но разразился бы еще большими проклятиями, если бы ему было даровано желаемое.

Старый видел за окном целое море человеческих тел, голых, больших и малых, толстых и худых, переплетающихся, дерущихся, совокупающихся, находящихся в непрерывном движении. В этой массе тел не было места богам, боги им были не нужны. Или нет?

Во встрече с Вячеславом Старый видел перст судьбы. Как ни странно, Старый был по своему религиозен. Он верил, что за происходящим скрывается какая-то великая сила, может быть, пресловутый Творец, что управляет Вселенной, разыгрывая этот дьяволов водевиль.

Может быть, все, что случилось, было лишь уроком для него, Старого, – чтобы он не упустил свой последний шанс, вновь стал молодым и по праву мудро и раздумчиво правил своим народом, а, может быть, и всем миром.

И за окном желтой маршрутки Старый видел исполинский трон, которым ему, юному, милосердному и справедливому, суждено было овладеть.

Только бы все получилось.

Господи, молился Старый, сам не зная кому.

Господи, только бы все получилось.

Пожалуйста, Господи.

Тысячелетия жизни, века забвенья, миллионы носителей, миллиарды воспоминаний, эоны одиночества расшатали разум Старого. Он покрылся трещинами, как разбитое зеркало, и рассыпался осколками, и Старому приходилось каждый раз собирать его вновь.

Если бы кто-то посмотрел со стороны на века, которые провел Старый рядом с прудом в Алтуфьево, наверное, он был бы напуган. Перескакивая из одной головы в другую, Старый превращал людей в безумцев, потому что сам был безумцем. Когда здесь, в поместье, жили семьи – одна за другой, никто не задерживался надолго, – он особенно любил вселяться в женщин. Он бросал их в пучину распутства и тонул в ней сам. Иногда заставлял их голыми на чет-

вереньках вылизывать углы комнат. Часто он врвался в головы маленьких детей, сокращая на полвека их маленькие жизни, и заставлял их кричать по-звериному и мочиться на образа. Забравшись в головы мужчин, он приказывал им лишать себя мужественности собственными руками и съедать отсеченный орган.

Старый наслаждался хаосом, создавал вокруг себя атмосферу безумия, и именно поэтому психдиспансер возник там, где находилось это злобное, лукавое существо.

Старый понимал, что в предстоящем деле по поиску Кродо он сам себе враг. И всеми силами старался собраться, надеясь, что когда – и если – он достигнет цели, Кродо не только вернет все на круги своя, но и излечит его от безумия, от этой постоянной личностной реконструкции.

Старый вновь начал молиться, чтобы все получилось – сам не зная, кому он молится. Он верил и не верил, что все, что он делает, делается для общего блага. На самом деле, он преследовал только свои собственные интересы. Жажда власти, засевшая в нем, смешалась с безумием и постоянным страхом смерти и породила уродливые фантазии. Все доброе и светлое, что где-то глубоко было в нем похоронено, играло жалкую оправдательную роль.

Если бы Старый поделился с кем-нибудь своими планами, этот кто-то пожалел бы, что у него нет с собой пистолета, чтобы вышибить Старому мозги. Потому что даже христианский Судный день, который совсем не обещал быть прогулкой по тенистой аллее, представлялся ей в сравнении с тем будущим, что Старый уготовил человечеству.

Старый был искренне убежден: нет веры крепче, чем та, что зиждется на страхе.

* * *

Желтая маршрутка мчалась по Алтуфьевскому шоссе. Седой мужчина с повязкой на голове и его странный пассажир молчали. Время внутри не было тождественно времени снаружи. И пассажир, и водитель отлично справлялись с этой разницей и видели и то, что проползало перед их внутренним взором, и то, что проносилось мимо маршрутки.

Впереди двое мужчин в изрядном подпитии переходили дорогу. Предупредительно горел красный свет, но они его игнорировали. Храбрый во хмелю, один из мужчин застыл посреди дороги и размахивал руками, паясничая. Другой, по-видимому, еще более храбрый, наклонился и спустил штаны, оголив зад. Передвигался он мелкими шажками, путаясь в спущенных брюках, усиливая комический эффект.

Водитель резко крутанул руль, выворачивая машину. Маршрутка врезалась в обоих мужчин с равнодушной яростью пушечного ядра. Водитель пустил машину в крутой вираж, колеса вдавили в землю поломанные тела.

На улице никого не было, свидетелей у трагедии не было.

– Дозаправился? – спросил Старый, ухмыляясь.

Водитель молча кивнул и повел машину дальше, глубже в теплую московскую ночь. Шины оставили на дороге широкие параллельные полосы крови.

Глава 4. Вечная Женственность

*Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью.*

А. Пушкин

Что такое посвящение? Это – один из институтов, свойственных родовому строю. Обряд этот совершался при наступлении половой зрелости. Этим обрядом юноша вводился в родовое объединение, становился полноправным членом его и приобретал право вступления в брак. Предполагалось, что мальчик во время обряда умирает и затем вновь воскресает уже новым человеком. Это – так называемая временная смерть.

В. Пропп

Если внимательно посмотреть на окружающих, взглянуть в их хмурые, сосредоточенные лица, трудно представить, что когда-то все они были детьми. Все эти худые, толстые, лысые, седые, морщинистые мужчины и женщины много-много лет назад неуверенно делали первые шаги, смеялись, когда узнавали родителей, плакали, когда хотели есть. Жизнь – прокрустово ложе; она растягивает маленькие тела, превращает веселых, смешливых детей в озабоченных, печальных взрослых. Особенно заметен контраст между детьми и взрослыми в школьном классе. Неужели немощная деспотичная пожилая женщина, что держит в страхе две дюжины молодых и сильных людей, сама когда-то была ребенком и также трепетала за партой в ожидании ответа перед такой же мегерой, в которую спустя годы превратится сама? Неужели человек, познавший горечь оценки собственных знаний, собственного поведения, вообще всего себя, может когда-либо ставить плохие отметки?

Леша сидел за второй партой в первом ряду у окна. Тяжелая пыльная занавеска была сдвинута в сторону. Леша ощущал неприятный запах старости, исходящий от серой ткани. Занавеска отлично справлялась со своей тюремной ролью: она стояла между этими маленькими людьми, полными жизни и энергии, и свободной радостью солнечного дня. И пусть сейчас она и не краля у детей солнечный свет, не гасила дыхание ветра, наполненное сладкими весенними запахами, – даже эти дары преподносились как бы с издевкой и только подчеркивали, чего все лишились.

Солнце расчертило парту, которую он делил с Сашей, на четыре неравных участка, подтверждая метафору заточения. Между ними границами пролегли полосы тени. Самый большой участок света достался Леше, и все его нехитрые школьные вещи принимали солнечные ванны: пенал с гоночной машинкой, линейка, учебник по алгебре, тонкая тетрадь в клетку и дневник. Дневник и тетрадь были раскрыты, и в них красными чернилами была выведена одна и та же оценка – «двойка». Дневник чуть-чуть выходил из световой зоны, и край его лежал в тени, будто бы стыдился того, что в нем было начертано.

В солнечном свете все было нестерпимо четким, и «двойка» алела на ослепительно белой бумаге, как подпись на дьявольском договоре о продаже души. Леша знал, что дома его ждут большие неприятности, но его это заботило мало. Он только смотрел на Людмилу Николаевну, директора школы, по совместительству – преподавательницу алгебры и геометрии, и размышлял о разнице между детьми и взрослыми. Он не злился на нее, ему было немного жаль эту злую, одинокую, никому не нужную женщину. Леша не знал, есть ли у нее семья, дети, домашние животные – хоть кто-то, с кем можно поделиться крупицами того безграничного запаса добра, что до поры скрыт в сокровищницах наших сердец. Мальчик точно знал другое – Люд-

мила Николаевна глубоко несчастлива. Не могут счастливые люди огорчать других, оценивая их труды «двойками».

Все обстановка кабинета с этими тяжелыми пыльными занавесками, с этой доской с белыми меловыми разводами, с нелепой раковиной и влажной рваной тряпкой в ней, с перевернутыми стульями на задних партах, – все кричало о безнадеге, одиночестве, тоске и заточении. В таких местах рождаются мысли о том, что жизнь – это заключение и наши души этапируют из одной тюрьмы в другую.

Леша, пропуская невнятное бормотание Людмилы Николаевны о многочленах, все глядел на «двойку» и думал о том, как бы она больно задела его пару месяцев назад. Как черным лебедем вклинилась в его мысли, поселилась в голове, отравляя существование. Как мысли возвращались бы к этой «двойке» снова и снова, как будто бы это не «двойка», а больной зуб.

Сейчас все было иначе. Голова Леша была занята совсем другим – тем, чем и должна быть занята голова пятнадцатилетнего мальчика, – любовью.

Подростковая любовь – вещь совершенно особенная. Никто так и не сформулировал определение любви, которое могло бы в равной степени удовлетворить всех, кто испытывал (или думал, что испытывает) это загадочное чувство к ближнему. Как бы там ни было, подростковая любовь далека от возвышенных чувств, потому что являет собой хитросплетение гормонов, юношеского максимализма, желания самоутвердиться. Подростки, конечно же, максималистично с этим не согласятся.

Первая любовь – дверка в желанный мир взрослых, сладкий запретный плод. Но в ней, к ее чести, зачастую гораздо больше искренности и чистоты, чем в отношениях взрослых людей. Если есть в мире волшебство, магия, то она сродни музыке, и люди способны слышать эту особую музыку – звон волшебных колокольчиков – только в юности, когда душа молода, когда молоды чувства и не скопилась еще усталость от людей и вечного повторения.

Искусство рождается из желания приукрасить действительность, любовь – из желания выжить в этой действительности. Любовь – графический редактор бытия, скрывающий и пыльную тюремную занавеску, и влажную рваную тряпку, и кроваво-красную «двойку».

Леша влюбился в одноклассницу. Ее звали Таня. Красивая высокая девочка с длинными русыми волосами и хитрыми глазками, как у лисички. Таня была новенькой – перешла в Лешину школу только в этом году. Они начали дружить еще в сентябре, когда первый звонок отсек их от летней свободы. Сейчас за окном властвовал май, приближались летние каникулы. Правда, впереди маячил недобрый призрак экзаменов – «на аттестат зрелости», как их почему-то называли учителя. Насколько Леша понимал, эти экзамены – пустая формальность, потому что никто из его знакомых после окончания девятого класса не собирался идти в колледж или в техникум. Еще один репрессивный механизм взрослых, поработивших детей.

Возможно, эта несчастная «двойка» как-то скажется на благополучии Леша – и скорее всего скажется, – испортит оценку в четверти, а вместе с ней и годовую оценку, а также косвенно повлияет и на этот ужасный экзамен на «аттестат зрелости», поскольку проводить и проверять его будет та же Людмила Петровна, а отношения с ней испорчены. Нет ничего субъективнее школьной оценки: вопреки справедливости, это не оценка знаний, а оценка отношения учителя к тому или иному ученику.

Теперь, когда Леша был влюблен, все это было не так уж важно. Конец апреля ознаменовался для Леша беспрецедентным событием: мальчик нашел в себе силы предложить Тане встречаться с ним, и Таня согласилась! Когда Таня ответила на его косноязычное предложение самыми прекрасными словами на свете – «Да, я согласна!» – Леша едва не лишился чувств от восторга и удивления.

Леша и Таня провели долгие майские праздники вместе: гуляли, ели мороженое, сидели на лавочках, обнимались – и даже несколько раз неловко поцеловались. Леша был на седьмом небе.

Леша помнил, как все началось, – вдруг. Однажды, три или четыре года назад, ему приснился сон – неясный, смутный, и Леша мало что запомнил. В этом сне он видел Женщину – не какую-то конкретную женщину, а, как показалось мальчику, Вечную Женственность, самую суть женственности. Это было прекрасное, теплое, светлое видение. Наутро от сна остались странное ощущение – щемящая боль, тоска по чему-то возвышенному, светлому. Наверное, так Адам и Ева сокрушались по навсегда потерянному раю. Маленький мальчик вдруг понял, что ему необходимо кому-то посвятить свою жизнь, жить не ради себя, а для кого-то другого – ради одного-единственного существа на всем свете.

Леша не понимал – и уже не поймет, – откуда взялось это чувство. Возможно, это был рано проявившийся отцовский инстинкт. Возможно, Эдипов комплекс. Первая мысль о применении этого чувства была именно о матери. Возможно, это было и то, и другое. Возможно, Эдипов комплекс и есть родительский инстинкт. В конце концов, эта история происходит в мире, где люди верят в равнозначных Бога-Отца и Бога-Сына. Если они равнозначны, то один, как и другой, являются друг другу отцом и сыном одновременно.

День после того сна Леша запомнил на всю жизнь. Второе января. Подвыпившие родители решили продолжить праздник, позвали к себе друзей и пошли встречать званных гостей к метро. Лешу взяли с собой. Он ненавидел все эти взрослые праздники и считал, что новогодние выходные чрезмерно длинные. Лучше уж чахнуть в школе, чем терпеть эту скуку. Взрослые вокруг Лешы были иступленно влюблены в алкоголь. Выпивка переносила их на какой-то иной, параллельный Леше, пласт бытия, и мальчику было ужасно скучно с ними. Иногда была нуждались в его действенной помощи – особенно когда теряли контроль над своими заспиртованными телами. Благо, это случалось нечасто.

Тот чудесный сон ненадолго все изменил. Леша шел за родителями, которые то и дело пытались затянуть какую-то русскую народную песню про коня и мороз. Делали они это, к их чести, небезосновательно: вся округа тонула в снегу, холод стоял такой, что зуб на зуб не попадал. В любой другой день мальчик извелся бы от горечи, негодования и безнадёги – разве может ребенок донести до родителей, что не все идеи, которые приходят им в голову, – хорошие? Но сегодня, под впечатлением от чудесного сна, Леша был умиротворен. Он шел по ослепительно белому скрипучему снегу и думал о Вечной Женственности, ни на миг не сомневаясь, что однажды встретится с ней. Он время от времени поглядывал на свою маму, пытаясь найти в ней возвышенные черты. Но за блестящими глазами, разрумянившимися щеками, за паром изо рта их было не разглядеть. Леша не сомневался, что зерно Женственности когда-то была и в ней, просто ему не удалось прорасти.

Вскоре этот сон превратил жизнь мальчика в кошмар. В каждой девочке, девушке, женщине он пытался увидеть ту самую Вечную Женственность, и в каждой против своей воли разочаровывался. Ему очень нравились несколько девочек в школе, и он подозревал, что кто-то из них точно и есть Та Самая. Но одна из них нелепо повисла на канате; у другой оказались слишком массивные кисти; у третьей отвратительно облупился оранжевый лак; четвертая достала из носа огромную козявку, когда думала, что никто на нее не смотрит. Так рассыпались мечты о Деве Радужных Ворот.

За воодушевлением пришло отчаяние, за ним – равнодушие, а потом все потонуло в серых водах повседневности. А теперь небо над ними вдруг расчертила радуга надежды.

Как тогда, увидев сон, Леша охладел к тяготам повседневности, так и сейчас, влюбившись в Таню, он позабыл обо всем. Таня была удивительной: она ничем не разочаровывала его, такого требовательного против воли. Каждый раз, когда он шел ей навстречу, за его спиной как будто раскрывались широкие тяжелые крылья, сам он будто вырастал до размеров исполина и своими ботинками придавал земному шару ускорение.

В тот день, когда Леша получил «двойку», на вечер у него была назначена встреча с Таней. Он не мог дожидаться звонка с последнего урока (биологии), и когда тот наконец

немелодично протрещал, мальчик смахнул свои учебник, тетрадь, дневник с двойкой и пенал в портфель, быстро на бегу застегнул его и выбежал в коридор. Про себя мальчик радовался тому, что Тани сегодня не было: тем быстрее он сможет с ней увидеться.

Она осталась дома, сославшись на плохое самочувствие, чтобы спрятаться от блицопроса по алгебре, за который Леша схлопотал свои два балла. Если бы она пришла в школу, ей бы все равно потом понадобилось домой: приготовить папе ужин, помочь маме с уборкой, переодеться или сделать уроки, и только после одного из этих дел – или всех вместе взятых – она могла выбраться из дома, чтобы погулять с ним. Сейчас у нее нет этих козырей в рукаве. Он напишет ей смс, и она волей-неволей выйдет к остановке автобуса около своего дома, где они обычно встречались, в назначенное им время. И чем скорее он доберется домой, чтобы обновить карманные расходы (родители выдавали ему деньги по запросу), тем скорее он увидится с Таней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.